

Союз
Российских
Писателей

Борис СКОТНЕВСКИЙ

*...Летит,
 летит,
 летит листва,
Соединяя очень просто
И дух всесветного родства,
И боль всемирного сиротства.*

Борис СКОТНЕВСКИЙ

Оглянись навсегда

СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Тольятти
2015

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 5
С44

Скотневский, Борис.

С44 Оглянись навсегда:
стихотворения / Борис Скотневский –
Т.: Союз российских писателей,
2015. – 336 с.

ISBN - 978-5-98147-051-6

«...Стихи Бориса Скотневского – это знание жизни в лицо. Это понимание целительной силы поэзии, которая может говорить и о самом печальном, о чем уже, казалось бы, и не надо говорить, чтобы не опережать и не искушать судьбу, но что, обрета высокую ясность формы, наполняется светом и победой жизни». В. Курбатов.

В новую книгу вошли стихотворения
и поэмы разных лет.

ISBN - 978-5-98147-051-6

© Б. Скотневский, 2015

© М. Шляпина, 2015

© Союз российских писателей, 2015

* * *

Помню яблоки – алый анис,
Помню сад молодым и счастливым
И дорогу,
 летящую
 вниз
Мимо кладбища к синим заливам.

Помню в камни вцепившийся лес,
Помню ветер, пропитанный Волгой,
И рассвет вполовину небес,
И волнушки в расщелине волглой.

Помню страсть пароходных басов,
Комариные трели моторок.
Помню солнечный крик петухов
И мышинный чуть слышимый шорох.

Помню снег, что отчаян и смел
Шел со мною, листву заметая...
Помню все, что забыть не сумел,
От любви сам себя забывая.

2000

* * *

Я пойду, куда не знаю сам,
По лесам пойду по берегам,
Доверяя собственным глазам,
Доверяясь собственным ногам.

Просто буду топтать по земле,
Просто буду видеть все вокруг.
Снова ветер засвистит во мне,
Позабыв про север и про юг.

Позабыв про запад и восток,
Побреду я вдоль и поперек –
По камням, по глине, по стерне...
Синий воздух запоет во мне.

1976

* * *

Из шубы тяжелой,
Из зимнего плена
В весну драпанули
Два голых колена.

Два голых колена —
Два маленьких солнца, —
Меня ослепила
Живая их бронза.

Боюсь на мгновенье
Дотронуться взглядом
До этих светил,
Проплывающих рядом.

1977

* * *

С вековыми деревьями в лад дыши,
Самой тонкой травинке внемли.
Скоро, скоро проклюнутся ландыши
Из продрогшей за зиму земли.

Каждый кустик свой грея и потчуя,
Сок вливая в тела берез,
До чего же земля отходчива,
Не злопамятна на мороз.

Скоро листья захлопают в ладушки, —
Несмышленные внуки земли.
С вековыми деревьями в лад дыши,
Самой тонкой травинке внемли.

1977

* * *

Да неужели это было –
Ручьев и света кутерьма?
Ведь только кончилась зима,
Но вот уж лето наступило.

И время, главный наш обманщик,
Ветрами пыльными
вразлет
Качает лысый одуванчик,
Что был вчера лишь желторот.

1977

РЕКА

Вся из солнечных лучей,
Свернутых в колечко, –
Это вовсе не ручей,
Это просто речка.

Я на карте видел сам, –
Не придал значения...
А теперь тепло глазам
От ее свечения.

Воды робкие неся,
Кружит осторожно, –
Переплыть ее нельзя,
Перепрыгнуть можно.

И не отвести очей, –
Невеличка речка,
Вся из солнечных лучей,
Свернутых в колечко.

1977

* * *

А небо выцвело за лето, –
Бездонный цвет его исчез...
И, загораясь от рассвета,
Березовый сгорает лес.

Под порыжевшими кустами
Застыла мгла, поражена –
Как над лугами, над лесами
Звенит живая тишина!

Июль, конечно, цвел пышнее,
Зато в негромком сентябре
Ты сам становишься слышнее
И сам понятнее себе.

1976

* * *

Осень нежность превращает в боль.
Грустно пахнет умершими листьями.
По воде, от холода рябой,
Их метет закат хвостами лисьими.

Скоро, скоро, скоро все пройдет,
Скоро все на свете переменится, —
Новый снег придет и новый год,
Старые заботы перемелются.

Но опять на улице любой,
Бесконечно изменяя внешность,
Будет мне встречаться та же боль,
Превратиться жаждущая в нежность.

1977

* * *

Зябко одинокому костру, –
Он от мокрых веток пропадает,
И дрожат деревья на ветру –
Просто лист на лист не попадает.

Холодно грибам в осенней мгле,
Дует так, что звезды может сдунуть...
Так тепло и тихо на земле, –
Стоит только о тебе подумать.

1977

* * *

В поле ветер, ветер, ветер.
В поле вьюга без помех, –
Визг и плач на белом свете,
А, быть может, свист и смех.

А в груди моей не так ли, –
Смех ли, плач ли – не пойму:
Не хватает только капли
Разобраться – что к чему.

Той снежинки не хватает,
Что в душе моей растает.
Вон она в меня летит...
То ли плачет, то ль свистит.

1980

* * *

Пахнет корками арбузными
После майского дождя.
Граждане, не будьте грустными
Вдоль по счастью проходя.

Мимо лиственного пламени,
Мимо неба на пути...
Ну а если есть желание —
Можете в него войти.

1978

* * *

Есть совесть – предел мастерства,
Есть правда – граница искусства.
А дальше, пуста и мертва,
Подделка под ум и под чувство.

И все-то от жизни возьмешь,
И в тайны глухие проникнешь...
Но глубже души – не нырнешь,
И выше любви – не подпрыгнешь.

1979

* * *

Стал я потихоньку замечать –
Мастера поэзии и прозы,
Чтоб полегче было отвечать
Задают не главные вопросы.

А на главные – ответа нет,
Хоть об стену бейся, будто мячик:
«Почему ты не включаешь свет?» –
Маму спрашивал ослепший мальчик.

1979

* * *

Где же ты, счастливый звон,
Молодой да мудрый,
Тот, с которым был рожден
Я однажды утром?

Тот, который пел во мне
И звенел снаружи,
Белый парусник вполне
Умеща в луже.

Может, вправду я чудак,
Но гнетет забота:
Где ты радость «просто так»,
А не отчего-то.

Ведь в начале всех начал,
Даже в дни ненастья
Я так ясно различал
Голосочек счастья.

1978

* * *

Посмотрите на белое облако –
И десятка минут не пройдет,
Не отыщите прежнего облика:
То же облако – облик не тот.

Сколько их, незамеченных обликов,
В никуда исчезает от нас...
Посмотрите на белое облако
В этот первый-последний раз!

1980

* * *

Свет из вечерних льющийся окон,
По красоте своей одинаков,
Будь это здание в стиле барокко
Или строение типа барака.

В дождь или снег с ледящим ветром,
В час, когда иней не тает на сердце,
Этим живым, человеческим светом
Только и можно, наверно, согреться.

1978

* * *

Не покорствуя судьбы извивам,
Спотыкаясь о печаль и зло,
Человек обязан стать счастливым,
Раз ему родиться повезло.

Как бы ни был жизнью озадачен,
Только б не забыть среди забот:
Жить на свете – редкая удача, –
На такое дважды не везет.

На рассвете или на закате
В час, когда в природе благодать,
Вдруг такое на сердце накатит,
Что в словах никак не передать.

Только онемеешь от простора,
Растворишься капелькой во мгле.
И поймешь вдруг самое простое –
Как дышать прекрасно на Земле.

1978

* * *

Ты поэт, — а не слишком ли смело!
Осторожней со словом — поэт.
Рифмовать распрекрасное дело,
Да беда — в том поэзии нет.

Помню я — инвалид постарался
И подсчетам иным вопреки
Сосчитал всех поэтов по пальцам
Уцелевшей на фронте руки.

1979

* * *

Золотое и розовое
И вечерняя синь,
Засветились березы
И запахла полынь.

Тишина надо мною
Глубока-глубока, —
Всею мощью земною
Задыхали луга.

И бессмертная Волга
Мне велит: задержись, —
Это так ненадолго,
Это только на жизнь.

1976

* * *

*моей глухонемой тетке
Кирюшовой Анне Васильевне*

Как начать о тебе – не знаю.
Ты вовек этих слов не поймешь, –
Ты живешь как трава лесная,
Как идет за окошком дождь.

Не спешила, не суетилась,
Да иначе и быть не могло.
Но душа о безмолвье билась,
Будто бабочка о стекло.

И нашла себе выход – в работе,
И нашла себе выход – в любви, –
В бесконечном добре и заботе
Растворились все годы твои.

А в глазах ни тоски, ни боли, –
Чистотою наполнен взгляд.
И живешь ты как дышит поле,
Как деревья в саду шумят.

Сколько раз до шатанья крыши
В дверь ногой барабанил я зря, –
Ты зато удивительно слышишь
Как стучится в окошко заря.

Вновь разлука. И вновь обнимая,
Я молю тебя – дольше дыши.
Моя милая, глухонемая
С абсолютнейшим слухом души.

1981

НОЧИ ДЕТСТВА

И когда загорались огни на реке,
Я любил всех людей, что живут вдалеке,
Всех людей, что вблизи,
 всех людей, что вдали,
Всех людей, что исчезли за краем земли.

Пропадали огни. Становилось темно.
Но мерцала любовь все равно, все равно.
Подбирался белесый к душе холодок...
Только стать одиноким уже я не мог.

1990

* * *

Вдрогнешь, печалью пронизан насквозь,
Кровью поняв, что на свете на белом
Непоправимое что-то стряслось, —
Лист ли сорвался,
душа отлетела.

Что разбудило тебя в тишине?
Что напугало тебя до предела?
Лист ли сорвался,
душа отлетела...

Эти полеты бесшумны вполне,
Это такое обычное дело.

1986

* * *

Анатолию Жигулину

1

На воду холодно смотреть, —
Такая стылая, стальная,
Что даже звездочка шальная
Ее не может отогреть.

А только пуще холодит
Почти до ощутимой дрожи,
И лист, окоченев, летит,
Летит. И нет его дороже.

2

Насквозь продуто пальтецо,
Но разве можно обижаться,
Что дождь целует мне лицо,
И ветер лезет обниматься.

И так просторно на ветру,
И мелкий дождик равен чуду,
Как будто век я не умру,
И всех любимых не забуду.

З
Летит,
 летит,
 летит листва,
Соединяя очень просто
И дух всесветного родства,
И боль всемирного сиротства.

Стою, гляжу. И ничего
Уже не рано и не поздно.
И листья сердца моего
Касаются легко и грозно.

1997

* * *

Глинистый берег. Синеющий лес.
Все как и было вначале.
Знать, не бывает на свете чудес,
Кроме любви и печали.

Все, что осталось – любовь да печаль, –
Нежность царапает горло.
Небо исчеркано словом «прощай», –
Птица мелькнула –
и стерла.

Солнечный свет убывает уже,
И тишина прибывает.
Разве бывает так тихо душе?
Господи,
разве бывает?

1995

НАЧАЛО

Чайник поет. Половица скрипит.
Дождь никуда выходить не велит.
Что это – мышь или время шуршит?
Свет в керосиновой лампе дрожит,
Свежесть в окно, –

сыро, темно.

Время стучит и стучит.
Мрак за окном завывает-гудит,
Дед так легко и уютно храпит.
Чисто и грустно, и что-то болит.
Ночь никуда выходить не велит.
Молний разрывы.

Все еще живы.

Всё.

Засышаю.

Время звенит.

1998

* * *

Выйду в широкое поле,
Встану лицом на восход, —
Сердце зайдет от воли,
Время рванется вперед.

Выйду в широкое поле,
Встану лицом на закат, —
Сердце сожмется от боли,
Память рванется назад.

Все же счастливее доли
Нет, что там ни говори, —
Выйти в широкое поле,
Встать возле самой зари.

1981

* * *

Ни ухабов, ни рытвин, ни кочек, —
Просто на удивленье гладка,
Безнадежно забыт колокольчик,
Но дорога пылится слегка.

И слеза набегаёт от ветра,
От сиянья июньских небес,
И на тридцать лихих километров
Только поле, да воля, да лес.

Да висит одинокая птица
В недоступной густой тишине.
А дорога пылится, пылится —
Что для счастья довольно вполне.

И все тридцать лихих километров
Красота застилает глаза.
Неужели же только от ветра
Набежала на очи слеза?

Неужели же в горле щекочет
Лишь от пыли, клубящейся вслед?
Или, все же, гремит колокольчик
Через тьмы расстояний и лет.

1985

* * *

Игорю Мельникову

В густой вечереющей мгле
Шататься по милой земле
Без цели, без умысла – праздно, –
Но взглядом прощальным во тьму
Душою наполнить пространство,
Чтоб в нем не пропасть никому.

1991

ПАМЯТЬ

Моя бабушка легко умерла.
А жила тяжело, да не каясь.
Никому на земле она в тягость
Ни единого дня не была.

«Боже, душу рабы упокой», –
Отзвучало нестройно, но с сердцем.
И остался мой дед сиротой,
А до этого был самодержцем.

Да к тому же проклятый склероз, –
И смолкали мы, враз холодея,
На его непонятный вопрос,
Даже дикий: «А где же Клавдея?»

И на восьмидесятом году
Снова меркли глаза голубые,
Эту страшную, злую беду
Каждый день принимая впервые.

1987

РУКОТВОРНОЕ МОРЕ

Волна стучит, стучит и достучится –
Вдруг рухнет глины пласт,
и обнажится
Все, что лежать обязано в земле...
И будет ветер в бедренные кости
Свистеть на обвалившемся погосте
На ясной зорьке и в осенней мгле.

Тогда зачем я по волне скучаю
И за слова свои не отвечаю,
Когда смотрю на огоньки вдали.
Не изменить отзывчивому детству,
Мне это все досталось по наследству, –
И кладбище,
и в море корабли.

1997

* * *

Плыви, плыви, плыви
От боли до любви –
И от любви до боли
По собственной по воле.

Смотри, смотри, смотри
С зари и до зари,
От старости до детства, –
Не сможешь насмотреться.

Беги, иди, тащись –
Всю жизнь, всю жизнь, всю жизнь
На тьму непобедимую –
Проклятую, любимую...

1999

ВОСПОМИНАНИЕ

Морозище. Дымок над крышей.
Закат стремительный и рыжий.
И тонкий запах чистоты,
И тень длиною в полверсты.

И лай собак, и сектор частный,
И я, – счастливый и несчастный,
Портфель тетрадами забит,
И душу смертную знобит.

И я один, и где же люди,
И я без водки во хмелю, –
Еще никто меня не любит,
А я уже весь мир люблю.

1994

* * *

Сквозная знобящая воля
И ветер, несущий простор.
И умершее, и живое.
И горечь, и нежность в упор.

Уже ничего не исправить,
Но только взглянуть навсегда, —
И душу спасти через память
На зимние дни и года.

Воскреснет когда-нибудь эта
Рябины пунцовая гроздь,
Все стороны белого света
Просвечивая насквозь.

И вздрогнет уснувшая память,
Где живы любовь и беда...
Уже ничего не исправить,
Но только взглянуть навсегда.

1994

ДУХОВНОСТЬ

Одни пред самым аналоем
Стоят почти партийным строем
И свечи держат, как стаканы,
И морды их непокаянны.

Другой за сотню верст от храма
Живет в селе Большая Яма, –
Подъемлет очи к небесам
И Бог

к нему

нисходит

сам.

1992

ПАМЯТИ ОТЦА

1

Он не уедет ни за что,
Ни насовсем, ни в гости.
Наденет старое пальто
На пожилые кости.

Пойдет смотреть во все глаза,
Дышать родимым ветром, –
И наплевать, что это за
Сто первым километром.

Глаза не видят ничего,
И ноги ходят еле.
Но добрый дух ведет его
К какой-то вечной цели.

2

Страну почуяв под собой,
Живем, мудреем...
И стал он русскою землей,
Хоть был евреем.

Он прожил жизнь не за живот, —
Любовь и слезы.
И стал землей — такие вот
Метаморфозы.

Антисемиты всех мастей:
Равняйся и смиренно!
Склонитесь пред землей своей
Светло и мирно.

Грядущее покрыто мглой...
Когда устану,
Я стану русской землей,
Лишь ею стану.

2001

ЛИСТОПАД

1

Это выглядит видимо странно –
Все ль в порядке с моей головой? –
Слышу время свистит сквозь пространство,
Заглушая и шепот и вой.

Я к родимой земле поближе –
Лег на теплый березовый лист, –
Ничего абсолютно не слышу,
Только свист, нескончаемый свист.

Я прижался к земле до предела,
Светлой памятью к темному дну,
И расслышал испуганным телом
Нескончаемую тишину.

И лежу я на листьях остывших,
С замиранием вечным в груди,
От земли оторваться не в силах –
Иль без страха в ту землю уйти.

2

Шашлыков будоражащий чад
Оседает в крутящемся гуде.
И нарядные песни звучат,
И гуляют нарядные люди...

А вблизи, у седого леска
Вековечная боль листопада.
И такая родная тоска, –
Что веселья почти и не надо.

3

Можно все. Лишь секунды простые
Не купить, не занять, не украсть.
Снова листья летят золотые...
Золотые
и падают
в грязь.

Долетевшие из поднебесья,
Осветившие душу и дни,
Для кого-то они, как возмездье,
Для кого-то награда они.

И любовь, и обида, и жалость,
И надежда, и ужас, и злость –
Все столкнулось – и перемешалось,
Все сцепилось – и переплелось.

Золотая осенняя слякоть,
Листьев умерших круговерть...
Так что впору от счастья заплакать,
Так что впору от боли запеть.

1989

* * *

Поклонись родным осинам,
Две слезинки обнажив.
Хорошо быть блудным сыном, —
Потому как батя жив.

Все по правилам старинным:
Свищет время, жизнь летит.
Хорошо быть блудным сыном, —
Потому как он простит.

Хорошо кружить в тумане
Среди горок и долин.
А когда отца не станет,
Ты не блудный,
 просто сын.

1993

* * *

Ветер, простор и тревога –
Что еще нужно в судьбе,
Чтобы, дойдя до порога,
В дверь не ломиться к тебе.

Рада мне будешь – не рада, –
Это другой разговор.
Много ли страннику надо:
Ветер,
 тревога,
 простор.

1990

* * *

В той степи глухой...
народная песня

Почувствовать себя звеном в цепи
Под рев российской удалой метели,
Чтоб ужас перед смертью отступил,
И уступил пространство чувству цели.

И так себе любимому внушить,
Что все мы капли одного потока,
Чтобы не одиноко стало жить.
И даже умирать – не одиноко.

Прощай, ямщик. Я сам товарищ твой,
И передам поклоны и заветы,
Покамест я живой... И снег живой
Идет, качаясь, по равнине этой.

1986

* * *

Я помню минуту блаженную эту
И поле с гречихою после дождя, —
Душа расстилалась по белому свету,
В лиловые сумерки переходя...

Я годы убил на душевную смуту,
На дело, безделье, на тягостный пыл.
И все позабыл. И запомнил минуту,
Когда я весь мир понимал и любил.

1988

* * *

Так пахнет нежностью и грустью,
И дождь шумит над всею Русью.
Лишь листьев золотая дрожь
Порою приглушает дождь.

И вместе с листьями дрожа,
Болит счастливая душа –
Невечная под вечным небом...
И пахнут

капли

ранним

снегом.

1998

* * *

Хорошо. Хорошо. Хорошо
На душе. Не по делу. Зазря.
Ни с того, ни с сего. Ни с чего.
Потому что,
 за так,
 несмотря.

Слава Богу, что выпал мне чин
Так нелепо и сказочно жить, —
Горевать без особых причин,
Но за радость ничем не платить.

1990

* * *

Нине Гавриловой

Я пойду по полю
Не на босу ногу, –
Я обую ноги
В пыльную дорогу.

Чтоб идти по полю
Было мне привольно –
И ногам не больно,
И душе не больно.

Я обую ноги,
Чтоб бойчей ходили –
У родной дороги
Всем достанет пыли.

2000

НАДЕЖДА

Старики давно уж умерли, –
За старухами черед.
Рад бы про рассвет, да сумерки
Затаились у ворот.

Те ворота – не скрипучие, –
Просто нечем поскрипеть.
Если отворить при случае –
Напрочь могут отлететь.

Да и случай не представится
Тысячу ближайших дней.
Но опять идет красавица
Вдоль по улице моей.

Я сижу, с собой беседую, –
Мол, слабо ее догнать.
Ничего о ней не ведаю,
Знаю только – Надей звать.

И плывет она сквозь сумерки,
Чуть касается земли...
Старики давно уж умерли,
А старухи спать легли.

1984

* * *

И так прозрачно на душе,
Что рай не с милой в шалаше,
А на пронзающем ветру,
Где гибнут листья на миру.

Где золотой вздымая прах,
Сметает ветер вечный страх.
И где поймешь, что стал родным
Всеми, что обратилось в дым.

1994

* * *

Я как будто бы навеселе –
Строчку вспомнил я,

к сведенью граждан:

«Есть красавица в каждом селе», –
Но тем более в городе каждом.

Пусть гореть мне придется в аду,
Только ей не уйти от погони, –
Я красавицу эту найду
В Комсомольском уютном районе.

Так и буду бродить дотемна,
Позабыв, что такое усталость.
Вот она! Не она... Вот она!
Да, она! Нет, – опять показалось...

Припорошенное пальцецо,
В белой шапочке – самовязке, –
Это чье ж дорогое лицо
Выплывает как лебедь из сказки.

Не окликну, не заговорю,
Красотой, как волною окатит, —
Просто мельком ей вслед посмотрю.
И довольно.

С меня уже хватит.

1983

* * *

Ночь в октябре беспробудна.
Мрак наплывает на мрак.
Господи, как это чудно!
Господи, радостно как!

Память свою не обидеть,
И под осенним дождем
Тьму золотую увидеть
И помолчать
обо всем.

1999

* * *

Мирозданья дремучая сила,
Тусклый свет мириадов светил, –
Это было бы невыносимо,
Если б я никого не любил.

Это было бы непоправимо,
Если б вдруг опустела душа.
Вера – мимо. Безверие – мнимо.
Лишь бы только любовь не прошла.

Лишь бы только в дали неизвестной,
Где-то в дебрях грядущих годин
Я со звездной немислимой бездной
Не остался
один на один.

1987

* * *

Н. Богомолу

Помню – выпили самую малость, –
Разговора не клеилась нить...
Вдруг как выдохнулось – сказалось:
«Елки-палки! А здорово жить!»

Жизнь прекрасна! Без всяких кавычек!
Испитой и прокуренный весь,
Коля, Коля, мой горький счастливчик,
Как такое ты смел произнести?!

Открывались и хлопали двери.
Выходили ребята во тьму...
Только я почему-то поверил,
Как-то сразу поверил ему.

1990

* * *

Такая тихая минута.
Вдруг станет ясным почему-то
И каждый вздох, и всякий всхлип.
Душа не ропщет, не бунтует.
И ветер нежно в душу дует,
Как в детстве мама на ушиб.

И все вокруг готов принять я, –
Сливаются в одно понятие
Слова: любовь, тревога, грусть...
И все так просто, чисто, внятно.
И хорошо. И безвозвратно
Проходит жизнь.

И пусть.

И пусть.

1995

СЛОВА

Не боли ты моя голова,
И, душа, уповай на спасение, —
Мне приснились сегодня слова —
Золотые, как листья осенние.

Разве вспомнишь... Мерцают едва,
Зыбким сном от меня занавешены.
Слава Богу, приснились слова —
Не кошмары, не деньги, не женщины.

Этих слов не воротишь уже,
Никогда с ними больше не встретиться.
Только тень их лежит на душе,
Только тень их неясная светится.

1988

* * *

Витийствовать до головокруженья
Иль просто маме написать письмо.
Поэзия – есть способ утешенья,
А может, утешение само.

И сразу все становится яснее,
Когда души хватило для ума.
Поэзия – лишь способ объясненья
В любви...

А иногда любовь сама.

2000

* * *

Во мгле загадочно-родимой
Бродил, влюбленный и любимый...
И вновь брожу, гоня усталость, —
Любовь ушла, но мгла осталась.

И вновь на каждом на углу
Я обнимаю сердцем мглу
И призрак твой непобедимый
Во мгле загадочно-родимой.

1988

* * *

Пахнет железной дорогой –
Шпалами и лебедой.
Пахнет бессмертной тревогой,
Пахнет смертельной бедой.

Здесь у крутого откоса
Под громыханье колес
Страстный гудок тепловоза
Душу пронзает насквозь.

Все так и зыбко и прочно...
Кто от судьбы защитит,
Если родимая почва
Долго и мелко дрожит.

1984

* * *

Снова осень, бескрайняя осень –
Свет прощальный и нежность насквозь.
Снова горькое многоголосье
Прозвенело и оборвалось.

И в душе обрывается что-то,
И такой в ней метет листопад,
Что надежда,
 любовь
 и забота
Словно листья, летят наугад.

Сколько грусти! – а нежности больше...
Сколько мути! – а видно до дна...
И чем вьется веревочка дольше,
Тем прочнее нас вяжет она

С этой жизнью, святой и продажной,
И единственной, Боже ты мой!
С этой Родиной, доброй и страшной,
Всепрощающей, подлой, родной.

2000

ИЗ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Лет сто тому назад, хоть плачь,
В России был один палач.
Гори профессия огнем –
Дублеров не было при нем.

Он мчался в Нижний из Тамбова,
Поскольку не было другого,
И вся надежда на него –
На палача на одного.

Россия – бедная страна:
Палач один и смерть одна...
Но вскоре все пошло иначе.
Насколько ж стали мы богаче?!

1988

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ТЮТЧЕВА

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Ф.И. Тютчев

Кому жалеть тебя, Россия?!
В счастливых недостатка нет, —
Твои минуты роковые
Растянуты на тыщу лет.

Но снова на сердце тревожно!
Ведь подступает день, грозя,
Когда понять, как встарь — нельзя,
И верить — будет невозможно.

1993

ПУЛЯ

Эта пуля, зная, не дура –
Покружила у виска –
И куда-то полетела
Вдоль осеннего леска,
Вдоль безмерного покоя,
Вдоль могучей тишины,
Между небом и землею,
Мимо мира и войны.
Мимо,
 мимо,
 мимо,
 мимо,
Замирая и дрожа,
Никого не задевая,
В ком была и есть душа.
Мимо яслей и погоста,
Сберегая смех и тишь...
Это кто ж тебя придумал?
И в кого же ты летишь?!

2000

* * *

Мы все у Господа в горсти,
Но нам судьбы хватает.
Бывает тошно на Руси, –
Но скучно не бывает.

Любого трезвого спроси,
А пьяный сам доложит:
Есть даже счастье на Руси,
Но скуки быть не может.

Куда бредешь, Россия-Русь?
Ау... – в ответ ни звука.
А на душе такая грусть! –
Но разве ж это скука.

1999

ШАЛЯПИН

Когда по сердцу плавно ахнет
Тот бас, – о, Господи, спаси!
Вот русский дух, – так Русью пахнет!
Вот воплощение Руси!

...Когда ж детина краснорожий:
Ты наш, так пой, – в упор сипел. –
Шаляпин: врешь! Не ваш я! Божий! –
И отвернулся.

И не спел.

1998

* * *

Свобода, воля, беспредел...
И за державу вновь обидно.
Полно разнообразных тел –
Души единственной не видно.

Глаза пустые навсегда,
Вконец пустые-препустые.
Я не уеду никуда –
И все равно, –
 прощай,
 Россия.

2000

* * *

Где тут Русь и где там Иудея?
Все так тесно, что бросает в дрожь, –
Кинешь камень в подлого еврея –
В русского святого попадешь.

Этот мир смертельней динамита
От могил до горней высоты.
Загляжусь я на антисемита,
На его библейские черты.

2001

НЕ УБИЙ!

Видно, завету не сбыться.
Видно, пустая затея...
Но идеальный убийца –
Тот, кто убьет за идею.

Снова смотрю, холодея,
На вдохновенные лица, –
Чем идеальней идея,
Тем идеальней убийца!

1989

ТРОИЦА

В эпоху, когда мы звереем,
Так славно быть старым евреем,
И, ненавистью не ошпаренным,
Так славно быть старым татаринном.

Вершина Российского духа
Прославлена будет старуха,
В которой вся русская доля:
И горе, и вера, и воля.

На эти пресветлые лица
Готов я как Богу молиться,
Единому Богу всего.

1995

* * *

Во мне как судьба говорит
История боли,
Я – русско-еврейский гибрид
На жизненном поле.

И корни мои вплетены
В российскую землю,
И небу родной стороны
С любовью я внемлю,

И русская песня мила
Без края-предела,
И русская мать родила,
И бабка жалела.

Но где-то под спудом обид,
Которым не таять,
Еврейская память скорбит
И русская память.

Две памяти в сердце слились,
Что неотделимы,
Две крови во мне обнялись,
Вполне совместимы.

Меня обжигают огнем
И любят как сына, –
Две памяти в сердце моем...
А сердце – едино.

1981

* * *

Прощай, немытая Россия...

М.Ю. Лермонтов

На счастье, а может несчастье
(Судьбу не обманешь), но я
С тобой не намерен прощаться, —
Я лучше умою тебя.

Слезами? А может быть кровью?
Водой родниковой? Бог весть...
Но все, что зовется любовью —
Живое и мертвое —
здесь!

1987

ПАМЯТИ ПОЭТА
СЕРГЕЯ АРШИНОВА

Ты уснул... А проснулся не здесь.
Где-то там – за чертою, за краем.
Что там: память? Забвенье? Бог весть.
Ты узнал. Мы покуда не знаем.

Ты узнал, но не скажешь уже
Ничего, никому – даже другу.
Мир твоей неприютной душе!
Пусть расслышит российскую вьюгу,

Что рыдала, срываясь на вой,
В пустоте запорошенных улиц
Горше женщин, любимых тобой,
Горше всех, кто наутро проснулись.

1997

РУССКАЯ СКАЗКА

Жили-были старик со старухой...
Нет не так! – молодец с молодухой.
Бедно жили, богато ли жили –
Все ж подолгу они не тужили.

Народилось у них два сыночка,
Да еще раскрасавица дочка, –
И пригожестью и по уму
Вышли детки один к одному.

Тут и жить бы да горя не знать бы,
Да готовить веселые свадьбы,
Но война подступила к стране...
И сыны полегли на войне

Оба разом. А следом за ними
Дочь в военном растаяла дыме...
Дед пожил еще год или два...
А старуха поныне жива.

В ее комнатке однооконной
Тишина нерушима до звона,
И стоят нерожденные внуки
Вечным звоном в ушах у старухи.

1984

* * *

Так приятно и здорово так
Мельком вспомнить из барского ложа,
Что живет где-то Ванька-дурак,
Тот, который придет и поможет.

И не ведает наверняка
Промотавшийся старый хозяин,
Что давно уже нет дурака,
Что придет к нему Ванька,
но – Каин.

1996

* * *

Владимиру Дуцеву

А Родина – она всегда внутри,
Как боль и как любовь, – пускай снаружи
Позорно все, но быть могло б и хуже,
Нас согревает костерок зари,
Гори, неяркий, вечный мой, гори.
А грязь и лужи – просто грязь и лужи, –
Их издревле хватало на Руси, –
Поди любого классика спроси.

Понюхавшему царства-секретарства
И президентство, в общем, не беда.
Твоя тоска – она не без коварства,
Но даже в достославные года,
Чтоб Родиною стало государство, –
Такого не случалось никогда.
Так сроду не бывало на Руси –
Поди любого классика спроси.

Нет ничего прекрасней и подлей,
Чем эта жизнь, что чудом только длится.

Смотри, какой веселый воробей,
Смотри, какая грустная синица,

И вечная надежда, хоть убей,
И вечный бой, – а Родина нам снится.
Так было, есть и будет на Руси...
Господь ее помилуй и спаси.

1994

ДВЕ СТОРОНЫ

На левой – темень, а на правой – свет.
Но это не влияет на итог, –
Ведь можно все, поскольку Бога нет?!
Да, можно все, поскольку с нами Бог!

И с двух сторон гремит один ответ,
И с двух сторон ползет один подвох:
Убей его, поскольку Бога нет!
Пусть он умрет, поскольку с нами Бог!

А Бог посередине бытия
Глядит из недоступной пустоты...
Такой же незащитный, как и я.
Такой же бесприютный, как и ты.

2001

БИОГРАФИЯ

Предавался, но не предавал,
Добивался, но не добивал,
Где-то и когда-то побывал,
Убивался, но не убивал.

1989

* * *

Не надо долго говорить,
Не надо злиться.
Давайте все-таки любить
Чужие лица.

Ну не любить – хотя б не бить
В лицо ногою,
Позвольте же лицу побыть
Самим собою.

Пусть улыбается оно,
Пока живое,
На всю Вселенную одно –
Лицо чужое.

1995

* * *

Будь здоров, прохожий!
Будь здоров, прохожий!
На меня похожий
И судьбой и рожей.

Будь здоров, прохожий...
А уж он далеко, –
Только дрожь по коже
От закатных стекол.

То ли Бога просит,
То ль судьбу пытается.
Эк его заносит,
Эк его мотает

По родной Отчизне,
По российской тверди, –
То ли жажда жизни,
То ли воля к смерти.

1989

* * *

Все, что было, ушло в перегар...
Все, что было, – а было немало.
Помню – юность, костер, «Солнцедар»,
И рассвет отливающий ало.

У, как лихо он жить начинал,
Как сияли глаза голубые.
И стакан, что его доконал,
Был песком во просторах России.

А теперь – только вонь... Да тоска
Застоялась в глазах воспаленных.
И песка вдоль по Волге, песка –
Для суровых стаканов граненых.

1996

* * *

Ступай себе проселочной дорогой,
Шагай смелей, во всем послушен ей.
Влюбленным взглядом облако потрогай,
Влюбленным сердцем память отогрей.

И позабудешь – был ты или не был,
И вспомнишь – жизнь и вправду хороша,
Когда в пространстве от земли до неба
Растворены надежда и душа.

И вдруг дойдет, что высшая награда
В той дали, что безмерна и ясна...
И ничего от родины не надо,
Достаточно того, что есть она.

1982

* * *

Запах воды и полыни,
И облака высоко.
Все непотребное схлынет,
Если вдохнуть глубоко.

После волшебного вдоха
Словно летишь не спеша, —
Все по-другому: эпоха,
Родина,
 память,
 душа.

1995

* * *

Бродил и вдоль, и поперек,
И с медом путал деготь, —
Но что-то там внутри сберег,
Чего нельзя потрогать.

Нет ни желания, ни сил
Ни когти рвать, ни цапать, —
Но что-то все же сохранил,
Чего нельзя залапать.

1993

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Никаких юбилеев не справил,
Жил, как в песенке: гол как сокол.
И родимую землю оставил,
И в родимую почву ушел.

Никаких государственных премий,
Никаких государственных льгот.
Только несколько стихотворений,
Без которых не может народ.

Только неутомимой заботы
Ненадежная, вечная нить.
Только нежное, грустное что-то,
С чем на свете чуть легче прожить.

1985

* * *

Если ты поэт пока еще,
Пыл свой даром не теряй –
На почившего товарища
Дерзко так не нападай.

Аргументы безответные
Лет на сорок отложи.
Лучше сей слова заветные –
Зерна собственной души.

Ну а что и как посеяно –
Это сам решит народ...
Тот, который спас Есенина,
И Высоцкого – спасет.

1984

* * *

Родная тишина и гул родимый.
И ветер, никогда не бьющий мимо
Души. И запах поля и воды.
И нежность – от былинки до звезды.
И память растворенная в просторе –
Родное счастье не роднее горя...
И мальчик, превратившийся в меня,
Бредет куда-то на излете дня.

2004

* * *

Чудо, прощя которого нет, –
Раствориться в счастливой тревоге...
Так горчит убывающий свет,
Так темнеет полынь вдоль дороги.

И такая прохлада в леске,
Так березы знобит и осинки, –
Что судьба на одном волоске,
А душа на одной паутинке.

2002

* * *

Какие были времена, –
Любовь прозрачная, сквозная...
Не знал великих имена,
Но знал, чего теперь не знаю.

Там где асфальт, там где бурьян –
Бродил и весел и доволен, –
И только Родиной был пьян,
И только музыкой был болен.

2001

* * *

И.П. Орлову

Не кричите, певица,
В ресторане ночном.
Я люблю находиться
На вокзале речном.

Никому не мешаю,
Ничего не хочу.
Сам себя утешаю,
Сам с собою шучу.

Головы не повесил, —
Не пропал и не пан,
Я тихонечко весел
И немножечко пьян.

В беспредельной отчизне
Нет родимей угла, —
Все — от смерти до жизни:
Света, грусти, тепла,

Встреч, прощений, прощаний,
Пароходных гудков,
И пустых обещаний,
И летящих шагов.

Я еще пошатаюсь
По своей стороне.
Я еще покачаюсь
На упругой волне.

Темнота. Темнотища!
Огонечки вдали...
Красота. Красотища –
От звезды до земли.

Плеск. Мерцанье. Раздолье.
И глазам горячо, –
Столько ветра и воли...
И чего-то еще, –

Что в словах не докажешь
Никогда – никому,
Лишь с душою увяжешь,
Улыбнувшись во тьму.

Будто главную тайну, –
Тайну звезд и могил
Разгадал я случайно
И случайно забыл.

Будто память – навеки.
А любовь – на века.
И не темные реки,
А родная река.

Будто жизнь повторится,
Засмеется навзрыд...
Что умолкла, певица?! –
Ресторанчик закрыт.

2001

* * *

Без надежды и без коварства
Чую родину сквозь государство.
Слышу песни ее и душу,
Вижу реки ее и сушу.

Где ж вы, царства и секретарства?
Упоительное лекарство –
Без надежды и без коварства
Слушать родину сквозь государство.

2007

РЕКИ

Вытекают из чистой печали
И в конце растворяются в ней.
Я люблю их как в самом начале,
Может, только нежней и больней.

Потому что, прощаясь навеки
И теряя отчаянный пыл,
Полюбил невеликие реки,
А великие не разлюбил.

2009

* * *

С ветром резким
и мерцающим дождем,
С отлетающим высоким сентябрем,
Где дрожащая жива еще листва,
Состою я в высшей степени родства.

Состою я в высшей степени любви,
Где чужие лица все-таки свои.
Где чужих печалей нету и обид –
Дождь идет родной
и лист
родной
летит.

2007

ЗАПАХ

1.

Выходили из сельского клуба,
а в сенях –
щемящий запах ночного воздуха,
смешанного с папиросным дымком
и дешевенькими духами...
От сотен фильмов, увиденных здесь –
одни обрывки, а запах помню целиком, –
вдыхал бы и вдыхал.
Но клуб разобрали
до бревнышка.
Остался только воздух –
пустой, без дымка...
И память
о запахе юности и надежды.

2.

Счастливый запах родины сквозит
Из всех щелей заброшенного дома,
Здесь половица каждая знакома
И каждая по-своему скрипит.

И время беспощадное звенит,
И души уплывают невесомо
Сквозь потолок в неведомый зенит...
И тонкий запах Родины и Дома.

3.

Родина состарилась со мною вместе.
Я ее найду на том же месте,
Я найду ее на той же почве
Возле магазина, а, может, на почте.
Отыщу ее не по востоку-западу, –
Только по запаху, единственному запаху,
Которого осталось на свете так мало.
Родина состарилась, словно мама.

2007

* * *

Я по Волге уплыл, а по Лете
Неизвестно когда еще плыть.
Не любите меня, не жалейте, –
Я умею жалеть и любить.

Так-то вот. Я опять не в обиде, –
Все в родимой развеялось мгле.
Не жалейте меня, не любите, –
Мне и так хорошо на земле.

Убывают деньки, убывают,
Все быстрее пропадая вдали.
Но такие минуты бывают, –
Хочешь – пой, хочешь – просто скули.

И, казалось бы, что там осталось, –
Скоро ветры завоют к зиме,
Но опять эта вечная жалость
Ко всему, что живет на земле.

Все быстрее, быстрее, быстрее –
До веселого свиста в душе.
Все острее, острее, острее
Я люблю.
И не поздно уже.

1994

* * *

Владимиру Коробову

Всё. Простились. И слова простые –
До свиданья. Свидимся. Пока...
В поезде, идущем по России,
Хорошо отлеживать бока.

Дребезжат стаканчики пустые,
Сквознячок гуляет над плечом.
В поезде, идущем по России,
Хорошо не думать ни о чем.

Проплывают тени золотые,
Впереди еще неблизкий путь.
В поезде, летящем по России,
Хорошо забыться и заснуть...

Вдруг очнешься! На какой стоянке?!
Темнота. Да кое-где огни.
На чужом продрогшем полустанке
Отчего родные мне они?..

2009

СВОБОДА

Родные бездорожья, –
Хоть Царь, хоть Секретарь,
Хоть Президент... Я – Божья
Тоскующая тварь.

А память все дороже,
А душу все жальчей...
И раб я – только Божий,
А более ничей.

2008

* * *

Любови Бессоновой

В этом мраке осеннем
Так светло на душе,
Так не больно летать,
Так дышать не обидно;
И сияет окно
Не понять на каком этаже,
Потому что других
Совершенно окошек не видно.

В этом мраке осеннем
Так много дождя и любви,
Что душа понимать начинает,
Что время – живое.
И деревья поют
 листопадные песни свои,
И сияет окно, как светило ночное.

1998

* * *

Однажды возникнув из праха,
Чтоб прахом рассыпаться вновь,
Дрожу от любви и от страха
За хрупкую эту любовь.

За мелкую эту планетку,
Летящую к черной дыре –
Разменную, может, монетку
В немислимой звездной игре.

Дрожу, полоумный бедняга –
(Видали таких дураков?) –
Пока переходит дворняга
Дорогу меж грузовиков.

И так без конца и начала...
А жизнь не добрей и не злей.
И вряд ли кому полегчало
От вечной тревоги моей.

Не милость она, просто малость.
И все ж – не задаром усну,
Почуяв всесветную жалость
Как чует собака весну.

1998

* * *

Просыпаешься, как воскресает,
Засыпаешь, как будто навек.
И на что-то еще уповаешь –
Потому что еще человек.

И не веря в наивное чудо,
Ты грустишь под обманчивый смех
Не о том, что тебя позабудут,
Но о том, что забудешь про всех.

Открываешь знакомые двери,
Незнакомые видишь глаза,
И во что-то бессмертное веришь,
Потому что не верить нельзя.

1982

* * *

Пройдут снега и ливни
И все случится так...
А жизнь еще наивней,
Чем думает чужак.

Добрее или злее,
А все один конец...
Но жизнь еще подлее,
Чем думает подлец.

1993

* * *

Покинь свое блочное зданье
И слушай, дыханье творя,
Концерт для души с мирозданьем,
Где первая скрипка твоя.

Следи за листом, за планетой
Вдали от машин и огней –
Чем меньше в окрестностях света,
Тем небо ночное ясней.

Забыв о пожарах и тленье,
Звенит, бытие ощутив,
Мелодия преодоления –
Простой и прекрасный мотив.

Объята вселенскою синью,
Душа потянулась в зенит,
Какое-то, может, усилие –
И вечность тебя осенит:

Что жизнь не пуста, не случайна...
И горько, и радостно жить
На грани раскрытия тайны,
Которой вовек не раскрыть.

1987

* * *

Тьма отступила уже,
И петухи прокричали.
Стало уютно душе,
Будто бы в самом начале.

Словно и жизнь не прошла.
Разницы, в сущности, мало:
Там не боялась душа –
Нынче бояться устала.

1987

* * *

Игорю Шкляревскому

Вижу журавлиную дорогу,
Слышу, как рыдает небосвод.
И душа душою, слава Богу,
Чувствовать и быть не устает.

И опять ей холодно и жарко.
Пролетели! Чудный гром затих.
И опять мне всех на свете жалко
Без разбору на «чужих – своих».

Остывает небо понемногу.
Уплывает нежность... Боже мой!
Вижу журавлиную дорогу.
Помню, как рыдали надо мной.

2001

* * *

Жизнь уходит – зови, не зови.
Прокричи в пустоту о любви,
Прокричи в темноту, просто так, –
Вдруг расслышат твой голос, чуждак.

Не расслышат – пропала душа...
Только жизнь – все равно – хороша.
И душа, – этот храм на крови, –
Промолчит в пустоту о любви.

2002

* * *

Все бывает. До озноба
Сдавит душу, хоть на крик.
Вспыхнет яростная злоба
И погаснет в тот же миг.

Только чаще, — что за странность, —
Разомкнув кольцо обид,
Тихая займется радость
И горит,
 горит,
 горит.

1999

* * *

Станет сердце беднее на душу родную –
Станет сердцу еще тяжелей.

Станет сердце богаче на душу родную –
Станет сердцу еще тяжелей.

1992

* * *

Есть КВН, а есть Поэзия –
Мерцающий, но вечный свет.
И ничего нет бесполезнее,
Но и необходимей нет.

Строфа живая, непродажная
Вспорхнет, покинув книжный плен, –
И замерцает пыль бумажная...
Все остальное – КВН.

2002

* * *

На земле как на земле, —
Свет теряется во мгле,
Но и мгла мерцает:
Столько грязи и любви,
Столько храмов на крови,
То метет — то тает.

Столько боли и души,
Что и слезы хороши, —
Плачет тот, кто платит.
Столько счастья и тоски,
Что до гробовой доски...
И за нею — хватит.

2000

НЕ СЛЫШНО ШУМА ГОРОДСКОГО...

Тишина. Тишина.

Только мерный устойчивый гул –

Этот шум городской

чуть слышнее движения крови.

Он бы тотчас исчез,

если б ветер, очнувшись, подул,

Если б кто-то прошёл под окном моим,

времени кроме.

Этот шум городской, –

кровный сын городской тишины.

Если он возникает, то тише уже невозможно.

Это значит – уснули и видят счастливые сны

Все, кто смог...

А пространство гудит.

Нежно-нежно.

Тревожно-тревожно.

2000

* * *

Все простил за тоску затяжную
И за темную нежность в груди.
Я тебя ни к кому не ревную –
Уходи. Подожди. Уходи.

Я тебя принимаю как листья
И как этот под дождиком куст,
Мне темно от обилия истин,
Но светло от нахлынувших чувств.

Все, что мы называли судьбою,
И душе неподвластно самой, –
Ты не знаешь, что движет тобою,
Я не знаю, кто двигает мной.

Не вдаваясь в подробности эти
И на что-то надеясь еще,
Ничего я не понял на свете,
Но почувствовал, может быть, все.

1993

* * *

Пленною душой и мыслью тленной
Что я, Господи, на свете мог?
Что там в разлетевшейся Вселенной,
В драгоценный соберешь комок?

Невесомо и невыносимо.
За безверие не обессудь...
Лишь душа сожмется сильно-сильно,
Как Вселенная когда-нибудь.

2001

* * *

Воздух тоньше и острее.
Даль светлеет понемногу.
Как сказал один еврей:
Все проходит... – слава Богу.

Вот и откатилась мгла
Далеко. За чисто поле.
Вот и боль моя прошла
Насовсем... До новой боли.

Вот ромашка, вот пырей,
Подорожник, кашка... Утро!
Как сказал другой еврей:
Возлюбите! – тоже мудро.

2002

* * *

И играть согласен эту роль...

Б. Пастернак

Мир, случившийся из ничего, –
Он не может без боли, без крови.
Я бы проклял, наверно, его, –
Если б было хоть что-нибудь кроме.

Мир не тот, и эпоха не та, –
Но попомни: ни ада, ни рая,
А вокруг пустота, пустота
Мировая,
ау,
мировая.

Если хочешь, – поплачься звезде.
Если можешь, – пожалуйся Богу.
Только нет никого и нигде.
Нет!

Ни сверху,
ни снизу,
ни сбоку.

Но срастаются чувства и роль,
Черноземы с листвою золотою.
И Любовь – урожденная Боль,
Повенчавшаяся с пустотою.

1993

* * *

Сумраку радуюсь, словно лучу, –
Смелость все это иль робость?
Только я помню, что в пропасть лечу,
Медленно
 падаю
 в пропасть.

Время, пожалуйста, не торопи,
Я твой закон не нарушу,
Слишком крепки еще узы любви –
Врезались в тело и душу.

Не обрывайся, суровая нить,
Связывай счастье и горе.
Господи, если бы все долюбить
И раствориться в просторе.

1990

* * *

Ночь теплая как дом,
Мы парохода ждем,
И неба глубина
Впервые мне видна.

Клонит меня ко сну –
И невозможно спать, –
В глухую глубину
Опять гляжу, опять.

И пусть я глуп и мал, –
Туман в моем мозгу,
Но все же осознал
Свободу и тоску.

Лет шесть мне или семь,
Я взрослым стал совсем, –
Я понял, что умру,
И побежал к костру.

1995

* * *

Ветерок речной, родной
Золотого цвета.
То ли Волга подо мной,
То ли речка Лета.

Жизнь моя. Моя юдоль –
Время листопада.
Поплывем по речке вдоль,
Поперек не надо.

Что чужой нам бережок...
Так тепло на этом
С льющимся наискосок
Обреченным светом.

2005

* * *

Такая нежность – душу ломит.
И вновь не ветер ветку клонит,
И не дубравушка шумит,
А просто времечко сквозит.

Такая нежность – душу ломит.
Мне ничего не жалко, кроме
Всей жизни, что уходит прочь
В глухую, без просвета, ночь.

Но ты в уютном, светлом доме
По мне не сходишь ли с ума?!
Такая нежность – душу ломит.
Такая

золотая

тьма.

1993

* * *

Памяти Толи Сорокина

1

О, как легко сойти с ума,
Когда вокруг стоят дома,
Когда исписаны тома,
Но ничего не ясно,
Когда на свете столько зла,
Когда не ладятся дела
И просто женщиной была –
Та, что была прекрасна.

2

Белый ветер за окнами шаря,
Превращается в голос глухой,
Словно друга меня вопрошая:
Как дошел ты до жизни такой?

– Видно верил в нее слишком чисто,
Слишком глупо и нежно любил...
А когда понимать научился –
Разлюбить уже не было сил.

3

Устав от страхов и тревоги
Стать из любимого любим,
Сошел он со своей дороги –
Сошла тревога вместе с ним.

Опять глядит в свое начало
Печальней складочек у рта...
Сошел с ума, чтоб полегчало! –
Не полегчало ни черта.

1994

ОДИНОЧЕСТВО

Грустно, как в застрявшем лифте,
Где вот-вот погаснет свет.
Кто там?
Двери отоприте!
За лифтерами сходите!..
Ну, хотя бы подойдите,
Потолкуем тет-а-тет.

1989

* * *

Теперь ему все нипочем:
Враги разбежались с позором, –
От Бога он был скрипачом
И стал... первоклассным боксером.

Теперь ему вольно гулять
На пляжах и на танцплощадках –
Но трудно, как трудно играть
На скрипке в боксерских перчатках.

1987

* * *

Он вошел – просквозило винищем
И какую-то дохлой тоской.
И такая в глазах пустотища –
Словно символ распада какой.

Но подумалось вдруг: как ни лупит
Эта жизнь, как наотмашь ни бьет –
Даже этого кто-нибудь любит,
Даже этого кто-нибудь ждет.

1992

* * *

Ах, совсем не осадки и ветер,
Не тяжелая, подлая кровь –
Существуют реально на свете
Только время и только любовь.

Я считаю давно каждый вечер,
Я давно не считаю рубли –
О проклятое противоречье:
Меньше времени – больше любви.

С каждым годом люблю тяжелее,
С каждым годом все легче броня.
Только время меня не жалеет,
Только время бросает меня.

Навалилась обида на плечи,
Но мерцает, как храм на крови,
Это вечное противоречье:
Меньше времени – больше любви.

* * *

Пришел, увидел, победил.
Гай Юлий Цезарь

Зачем мне после *vidi – vici...*
Средь ненависти и любви
Брожу с глазами очевидца
И каплей вечности в крови.

И вижу лица дорогие,
И помню из последних сил.
А побеждают пусть другие –
Все те, кто душу победил.

1998

* * *

Не страшайте ее бесконечностью,
Тихим ужасом скорых разлук:
Эта женщина тронута нежностью,
И ее не возьмешь на испуг.

И спешить ей особенно некуда,
А тем более, с вами спешить.
И грешить-то ей, собственно, некогда,
А тем более с вами грешить.

Где же ваше спокойное мужество? —
Посмотрите, как на образа,
Как восходят без всякого ужаса
Устремленные в вечность глаза.

1988

* * *

У меня ничего не болит.
Лишь душа одиноко не спит, –
Ночь-полночь, а душе все равно –
Не глядит, а все видит в окно,

И сквозь стены, и сквозь потолки:
Для нее расстоянья мелки, –
Все-то видит, хотя не глядит...
Ну а так – ничего не болит.

1999

* * *

Я не верю словам – только звуку,
Только букве растянутой в крик,
Только шелесту, шороху, стуку, –
Чтоб душа обрывалась на миг.

Только свисту, небесному свисту
Разудалых осенних ветров,
Только
 Баху,
 Бетховену,
 Листу,
Да поддатенькому гармонисту,
Да молчанью во веки веков.

1999

* * *

Если хочешь поесть – поешь.
Если хочешь попить – попей.
Если хочешь понять – страдай.
Если хочешь забыть – умри...
Тяжело понимать,
А страшней поминать, –
Все равно не хочу
забывать – умирать.

2001

* * *

Как хорошо сквозь темноту
Брести с улыбкою во рту,
Чтоб только ветер за спиной
И ни одной души родной,
И ни одной души чужой,
И чтобы дождик небольшой.

И только золотая мгла
Моей попутчицей была.

2004

* * *

Игорю Мельникову

Дела идут. Контора пишет.
Но Бог тех перышек не слышит
И не читает злую дичь, —
Он слышит перышко иное —
Живое, тонкое, больное —
И жизнь
 пытается
 постичь.

2004

ЛЮБИМЫЙ СОН

Мне снятся горы за рекой, –
Я сам не знаю, за какой,
Но, точно, – не за Волгой.
За Летой? Леной? Колымой? –
Полны сиянья, Боже мой,
И благодати долгой.

Раз сто переплывал реку
Во сне я на своем веку, –
И горы отплывали.
Смотрел на них издалека,
А за спиной текла река
Из света и печали.

2004

* * *

Я книгу вечную листаю...
Лежу в траве – и зарастаю,
И в небо пристально смотрю,
И в облако перетекаю,
И уплываю за зарю...
На сколько и зачем –
не знаю.

2004

* * *

Между мной и Богом никого:
Ни врага, ни друга, ни любимой.
Между мной и смертью ничего, –
Только время, хлещущее мимо.

Между мной и небом – не стена,
Так, сквозная дымка голубая.
Между мной и далью тишина
И простор от края и до края.

Мне никто не может помешать
И помочь. Ни в чем, никак, нисколько...
Начинаю это понимать.
Только начинаю,
только-только.

1994

* * *

Ни страха смерти, ни любви,
Ни ревности с обидой.
Гуляй, душа моя, живи,
Сама себе завидуй!

Так что ж больней тоскуешь ты,
Свободная такая,
Под страшным грузом пустоты
Вконец изнемогая?

И ищешь старые пути
Сквозь время и пространство,
Чтоб поскорее уползти
В любовь, в тревогу, в рабство.

1994

* * *

Можно строить, а можно ломать, —
Я брожу в ожидании чуда:
Что-то главное стал понимать,
Объяснить не умея покуда.

Просто грусти моей не избыть
Ни в какие пространства иные,
Просто невыносимо забыть
Эту землю и лица родные.

Просто, жизнь по-другому любя,
Мир, в котором то зябко, то жарко,
Жалко стало тебя и себя,
Даже Маркса и Энгельса жалко.

1988

* * *

– За какие такие заслуги,
За какую грядущую боль,
Я сжимаю послушные руки
И врастаю во взгляд голубой?

– Милый! Счастье не будет товаром,
И беду не продашь за пятак...
Все прекрасное в жизни – задаром,
Все ужасное в жизни – за так.

1985

* * *

Обиды, размолвки, измены...
Все это – такая фигня.
Играйте жестокие сцены,
Но только уже без меня.

Я лучше понюхаю травы,
Холодной водички попью.
И все-то вы, Господи, правы!
И всех я зачем-то люблю.

1994

* * *

Надежды нет. А радости хватает.
Над головой Вселенная мерцает.

Вселенная молчит над головой,
Но слышен смех – счастливый и живой.

Пока в костре потрескивали угли,
На небе две галактики потухли...

Вселенная стоит перед душой –
Такой же непонятной и большой.

2004

* * *

Остывает вода.
Холодеет земля и дорога.
Так немного осталось, –
Да и было с рожденья не много.
То как жизнь коротка
У реки, человека, растенья,
Я с рождения знал.
А, быть может, еще до рожденья.
Сколько тут ни живи –
Все равно не надышишься вволю.
Сколько здесь ни люби –
А любовь обрывается болью.
Ну так что ж. Ну так что ж, –
Это дело – вселенское дело.
Но бессмертная дрожь
Вдруг проходит сквозь смертное тело.

2002

* * *

И опять заспешили недели,
И погожие дни понеслись.
И опять мы с тобой проглядели
Голубую бездонную высь.

Мы-то думали – нет в этом риска,
Мол, успеем еще, ничего!..
Вот и осень, а небо так низко,
Что нельзя не увидеть его.

1985

* * *

Мудрец мудрит. Дурак дурит.
А жизнь летит, летит, летит.
Мудрец дурит. Дурак мудрит.
А жизнь летит, летит, летит.

Она летит, летит, летит,
А кто ей это запретит?
Вот долетает, наконец...
А кто дурак?
И где мудрец?

1993

* * *

Жизнь одна.

И потому – так грустно.

Потому так грустно и светло.

И нельзя ни письменно, ни устно

Уберечь руки твоей тепло.

Жизнь одна.

И ладно, слава Богу.

Есть на что растратить весь свой пыл.

Жизнь одна. Но если б было много,

Разве бы я так

тебя

любил?!

1992

* * *

Две точки крайних – половодье
И листьев золотой отлет.
Какое горе – жизнь проходит.
Какая радость – все пройдет.

Сердцебиение в природе –
Сожмет и снова разожмет.
Какое горе – жизнь проходит.
Какая радость – смерть пройдет.

1988

ГРУСТНАЯ СКАЗКА

Преодолев пространство выше меры
И вечность, он набрел на этот свет.
Потолковал с Надеждою и Верой,
А младшенькой, Любви, все нет и нет...

Когда ж продлить прощанье с ними силясь,
Он на пороге Млечного Пути
Спросил: «Куда она запропастилась?!» –
Ему в ответ: «Вот-вот должна прийти».

1984

* * *

Ты грустишь, раньше ты не грустила
Просто так – ни с добра, ни со зла, –
Значит, времени горькая сила
Подхватила тебя, понесла.

Погрусти, потоскуй честь по чести,
Ничего, мы с тобою вдвоем.
Но потом мы состаримся? – Вместе! –
Но потом мы с тобою умрем?

Будет больно? – Живым неизвестно. –
Страшно будет? – Прости, я живой.
Хочешь верь, что Архангел небесный
Нас бессмертной разбудит трубой.

Невозможно остаться навеки,
Чтоб смотреть и смотреть без конца,
Как текут полноводные реки
И слезинка по чуду лица.

* * *

За далеким, за высоким дымом
Сразу все становится родимым.
Вот вам память, вот душа – без сдачи...
И позор надежнее удачи.
Друг ли, враг ли: все одно – родное, –
Нежное, прощенное, живое,
Мне простившее мои удачи.
И судьба без права передачи...
Все как есть становится родимым
За высоким,
 за далеким дымом.

2003

* * *

Все та же даль. Все та же милость.
Еще вокруг светлым-светло...
Но что-то в мире надломилось, –
Неслышно, но произошло.

Еще всюду гуляет лето,
И зелены мои холмы, –
Но позади источник света...
А впереди – источник тьмы.

2000

* * *

За душою, за бедной душою
Благодать вперемешку с листвою
Отлетающей.
Счастье не дым –
Я уже
 не умру
 молодым.

День высокий, прощальный, до неба,
До бессмертного скорого снега.
Удивленье как лист на ветру...
Я уже
 молодым
 не умру.

2005

* * *

Лбом пробуравишь стекло,
Станешь добрее и злее,
У, как любить тяжело,
А не любить – тяжелее.

Кровь запеклась на челе,
Ветер такой настоящий, –
Что там маячит во мгле? –
Красным обтянутый ящик.

Близью окажется даль,
Шаткою станет походка,
Что же утишит печаль –
Молодость, женщина, водка?

Молодость просто прошла.
Женщина просто сбежала.
Водка совсем не брала –
С ног лишь порою сшибала.

Стынет текучая кровь,
Нету идеи нетленной, –
Все же мерцает любовь
В каждом комочке Вселенной.

Только любовь иногда
Все обрывала сомненья.
Были такие года,
Месяцы,
 дни
 и мгновенья.

1990

СЧИТАЛОЧКА

Вышел месяц из тумана
И опять ушел в туман.
Вынул ножик из кармана –
Положу в другой карман.

Бить и резать мы не станем, –
Будь вы эти, будь вы те.
Даже в этом растумане,
Даже в полной темноте.

2009

* * *

Ребенок говорит: «БО-БО», –
БОЛЬ и люБОВЬ, люБОВЬ и БОЛЬ...
Язык родной, – ты и в начале
Весь из любви, весь из печали.

2010

* * *

Вселенная... Какое чудо!
Я в никуда из ниоткуда
Иду в могучей тишине,
И вся Вселенная во мне.

И нету никого на свете,
Чтоб на один вопрос ответить, —
Веселый и простой вопрос:
Куда же Бог меня занес?!

2009

* * *

Бедный мой, душевный человек,
С вами говорит автоответчик.
Вы оставьте фразы, чувства, мысли...
Чтоб они в небытии зависли.

2010

* * *

Пред мелодией живой,
Перед музыкой нетленной –
Я с поникшей головой,
Но с улыбкою блаженной.

Слава Богу, все прошло, –
Отболело, отметалось,
Трын-травую поросло...
Только музыка осталась.

И никто не воскресит,
И ничто не воскресает.
Где-то музыка звенит,
Снова музыка спасает.

2008

* * *

Над Волгой золотистый дым, —
Его я помню молодым
И снова понимаю кровью
Как дым становится любовью.

Ногой ступил на вечный ил,
Обиды вспомнил
и забыл...
Но всею принимаю кровью,
Что дым
становится
любовью.

2010

* * *

Живая строка у меня забылась, –
Под куст закатилась, под лист забились.
Строчка живая – сокровище мое...
Никто
 никогда
 не выдохнет ее.

2008

ПАМЯТИ ПОЭТА

Погиб поэт!

Опять?! Опять...

И на устах его печать,
И мгла его невеста.
С такой отъявленной тоской, –
Между Уралом и Москвой
Ей не хватило места.

Взлетел он в рай?

А может, в ад,

Сошел,

шатаясь,

наугад

С петлей или наганом.

Он словом к музыке привык, –

Что русский сделал ты, язык,

С еврейским мальчуганом.

Что сделала родная ширь

Во весь Урал, во всю Сибирь

Продутая до свиста, –

Но разве ж виновата даль,
Когда душе мила печаль,
А счастье ненавистно.

И родилась такая боль,
Что не помог ни алкоголь,
Ни женщина, ни слава...
Течет-течет река Исеть;
А что такое жизнь и смерть
Мы представляем слабо.

И здесь у края бытия
Мерцает лампочка твоя
В каких-то нежных ваттах.
А ты летишь сухим листом, —
И виноватых нету в том,
Нет в мире виноватых.

Виновных в нашей боли нет,
И в этом может быть ответ
На все, — мы дышим кровью.
Хоть прекословь, хоть сквернословь —
В боль превращается любовь,
Чтоб снова стать любовью.

Погиб поэт, что на Руси –
Не новость. Господи спаси!
Печаль не терпит крика...
Зато над каждою душой
Он нынче дождик небольшой,
И тайна.
И музыка.

2007

* * *

Потерялась счастливая нота,
И судьбу не сыграешь с листа.
Голос умер.

Немóта. Немóта.

Звук исчез.

Пустота. Пустота.

Только бьется душа, вырастая
Из неясных мучительных снов,
Как высокое небо – пустая,
И немая – как песня без слов.

2008

* * *

Родимые запахи, звуки –
Живущие с первой весны,
Обрывки родной тишины, –
Возьмите меня на поруки.

От мертвого шума спастись,
Рас слышать весеннюю воду.
И воздух вобратъ как свободу,
И почву почуять как жизнь.

2010

* * *

Вот и снова весной молодою
Пахнут льдины живою водою,
Золотыми лучами оплавлены...
И бессмертием пахнут проталины.

2011

* * *

Я так люблю реки
Текучие воды,
В каждом человеке
Семьдесят процентов свободы.

Я слишком часто смотрю на Волгу,
И за Волгу, за Жигули, –
Слишком часто и подолгу,
Чтоб сослепу не разглядеть вдали:

Как пароходы по Оби
От Бии до губы
И от губы до Бии
Ходят бело-голубые.

А на рассвете розовые
И золотые на закате...
Самоходки. Катер.
И леса – еловые,
березовые.

А Енисея пока не видно.
Но это не горе, —
Мне не обидно
В русском просторе,

Где так много свободы,
Только где человеки?
Я люблю реки,
Текучие воды...
Я так
 люблю
 реки.

2011

* * *

памяти Бориса Рыжего

Лампочка и мотыльки над ней, –
Ничего не вспомнил он родней.
Над подъездом лампа в сорок ватт.
В памяти никто не виноват.
Млечный путь... А в лампе сорок ватт.
Бог простит – никто не виноват
Во вселенском счастье и тоске,
Если дело в каждом мотыльке...

2011

* * *

Ни Коли, ни Сережи.
Ни века. Ни страны,
Где были мы моложе.
И нет
 ничьей
 вины.

Москва! И май в разгаре.
А вот и мы втроем
В тенечке на бульваре
Достойно водку пьем.

Без мата-перемата
И прочего дерьма.
И тема наша свята –
Поэзия сама.

Потом в троллейбус сели,
Добавили чуть-чуть.
Ваганьково. Есенин.
Стихи.
 Бутылки.
 Муть...

Ни Коли, ни Сережи...
И я не виноват,
Что жизнь сложилась строже, –
Не слишком наугад.

Но вновь как дрожь по коже
Вдруг память обожжет –
Ни Коли, ни Сережи
Уже четвертый год.

Они свое сказали –
Как жили и смогли.
По ним свои печали
У матери-земли.

За них никто не скажет.
Сказать бы за себя...
Копи на сердце тяжесть
И поминай, любя.

2007

* * *

Догорай, гори, моя лучина...
Русская народная песня

Догорай! – чтоб как в песне поется.
Догорю! – обещаю, дрожа.
Все равно кое-что остается, –
Может память, а может душа.

Остается не так уж и мало,
Чтобы чувствовать почву родной, –
Пусть небесная легкая манна
Облетела ее стороной.

Но зато бесконечна дорога,
Но зато беспредельна вина.
И душа, не забывшая Бога.
И забывшая Бога страна.

1998

* * *

Туман, синеющий над черным полем,
И солнце, робкое на утреннем ветру...
Я безнадежно этой жизнью болен
И потому когда-нибудь умру.

Уйду, как все уходят, без возврата.
Вот только б никогда не позабыть,
Что смерть, по сути, небольшая плата
За счастье видеть землю и любить.

1987

* * *

Какие серьезные вещи вокруг –
Рождения, смерти.
Какие великие вещи, мой друг,
Творятся на свете.

И мы замираем в тоске и слезах,
От счастья немеем, –
Но все происходит на наших глазах,
А вот не умнеем.

А мы не умнеем.
 Ни я и ни ты, –
В кружении диком
Все спорим по мелочи до хрипоты –
Молчим о великом.

1989

В СТОРОНУ ЛЮБВИ

Лирическая поэма

*

Напрасно растрчивал пыл,
И в сердце — то холод, то жарко,
Но сколько бы он ни любил,
Ему было женщину жалко.

Сроднишься, — какая печаль
У каждой, а нежность какая —
Так душу сорвешь невзначай,
В чужие потемки вникая.

Чужие? Да где там, свои!
Когда только стали своими?!
У жалости и у любви
Какое-то общее имя.

Какая-то общая боль,
Сидящая в самой основе,
Саднящая в клетке любой
Под гул проносающейся крови.

Имей хоть десяток подруг,
Дыши и свободно и жадно,
А время уходит из рук
Так нежно и так беспощадно.

О Боже, — какая печаль
На свете, но нежность какая!
И душу сорвешь невзначай,
В родные потемки в растая.

*

Обещай, обещай, обещай, —
Эти речи не более звука.
Есть два слова: люблю и прощай,
И они ненавидят друг друга.

Время катит со скрипом к нулю,
Но простору ни дна, ни покрышки.
Лишь два слова: прощай и люблю,
Только глаз непонятные вспышки.

Но гарантии хватит одной —
Век пройдет иль мгновение минет, —
Этот свет между мной и тобой
Никогда и никто не отнимет.

*

Метет метель. И слава Богу.
Люблю заблудшую дорогу,
Ту, что выводит не туда.
Метель метет, — какая сила
Идет, и дух перехватило,
И вы сдавайтесь, города.

Метет метель на свете белом.
Войду в нее душой и телом,
И сразу —
 степь да степь кругом,
И путь далек, как в прошлом веке,
И где вы, люди-человеки,
И не узнать знакомый дом.

Подъезд закрыт. И дверь железна.
Стенать и плакать бесполезно,
А за спиной хохочет бездна —
Ей все печали невдомек.

Метет метель, и слава Богу.
И замело вконец дорогу,
Но путь лежит...
Далек-далек...

*

Оставь ненужные вопросы —
Откуда я, да что со мной?
Когда февральские морозы
Насквозь пропитаны весной.

На улице собачий холод,
На улице великий свет.
И мир неотразимо молод,
И на меня управы нет.

Прощай, коль хочется прощаться,
Прости, коль можетя простить.
Но мне печаль свою и счастье
В себе самом не уместить!

*

Я прикоснусь к тебе снова —
Волосы, плечи, глаза.
Самое тихое слово
Жжется, как будто слеза.

Можно посудую звякать,
Можно всю волю напрячь —
Стыдно от нежности плакать, —
Полно, родная, поплачь.

Выпьем за трезвые слезы,
Слезы твои и мои.
Выпьем за бедные слезы,
Тихие
 слезы
 любви.

*

На белом свете мгла такая —
Не разглядеть души родной, —
Смотрел в упор и не мигая,
И видел хуже, чем слепой.

Не потому ли за лесами,
Через моря, через поля
Тебя, закрытыми глазами,
Намного лучше вижу я.

*

Ничего не хочу. Ничего.
Лишь бы все не крутилось так быстро,
Лишь бы на сердце грустно и чисто
Оставалось. Не больше того.

Ничего не хочу. Ничего.
Лишь бы юбка по кухне летала,
И лицо твое не увядало, —
Вот и все. И не больше того.

Ничего не хочу. Ничего.
Лишь бы злобу душа не копила,
Лишь бы ты меня не разлюбила, —
Вот и все.

Но не меньше того.

*

Холодно. Грустно. Ненастно.
Нежно. Просторно. Темно.
Ясно, любимая, ясно —
Горько, тревожно, опасно, —
И хорошо, все равно.

Верность — жестокая штука.
Жалость сильнее любви.
Ревность заходит без стука,
Радость выходит без звука
В двери твои и мои.

Холодно. Грустно. Ненастно, —
Но начинается светать.
И ничего-то не ясно —
Горько, тревожно, прекрасно,
Нежность над миром не властна,
И все равно — благодать!

*

Смотри, смотри во все глаза
На Божий мир, на мир безбожный.
Ах, отвернуться невозможно —
Вокруг сплошные чудеса.
Смотреть! Смотреть во все глаза! —

Травинки, камушки, стекляшки...
Вобрать, запомнить, не сморгнуть, —
От шалаша до каталажки,
От колыбели до кондрашки,
Увы, совсем недлинный путь.
Травинки,
 камушки,
 стекляшки...

И перистые облака,
И кучевые, кочевые;
И легендарная река,
И эта хищная рука,
И пальцы — тонкие и злые.

Ну что ж, скорей смотри вослед, —
Ей тоже нелегко, бедняжке;
Сфотографируй силуэт
На много-много-много лет...
Травинки, камушки, стекляшки...

Но лица, лица — Боже мой!
Какая грусть, какая прелесть!
За столько лет — и не приелись.
Поди ж и ты, свое умой...
Ах, Боже мой! О, Боже мой!

*

А ночь такая темная.
А ты такая теплая.
А я такой уверенный —
Судьбою не проверенный...

Судьба меня проверила —
Тебя любить доверила...
А ночь такая теплая.
А ты такая темная.

*

Покуда мне бессмертье не грозит,
И смерть за мною бежит напрасно.
Но время так отчаянно сквозит,
Что жизнь непоправима и прекрасна.

Пока еще тепло в моих лесах,
Пока что сил и нежности хватает, —
Но на глазах береза облетает,
И женщина стареет на глазах...

*

Вот и все. Вот и все. Наступает пора
Нам с тобой отвыкать друг от друга —
Слишком много тебе причинил я добра,
Ну а это прощается туго.

Хочешь, время тяни, хочешь, с маху руби,
Хочешь, лги до скончания света —
Слишком много тебе причинил я любви,
Ну а кто же прощает за это?

Я пойду попляшу.

Но и ты — попляши, —
Нам веселье кругом обещают.
Слишком много тебе причинил я души,
А такое вовек не прощают!

*

Опустела душа, как осенняя роща —
Так прозрачно и тихо; чего бы уж проще —
Разобраться в себе до конца.
Опустела душа, или боль отпустила,
Но какая-то добрая, грустная сила
Разделила шальные сердца.

И сердца потихонечку стали умнее,
Стали биться ровнее, жалеть холоднее —
Жарко было, а стало тепло.
Перестали любить, или просто устали —
Чуть побольше покоя, поменьше печали, —
В общем, счастье на убыль пошло.

Да и что оно, счастье?
Покой ли? Тревога?
Видно, эти вопросы — вопросы для Бога, —
Так зачем их себе задавать?
Опустела душа — значит, время пришло,
Облетела листва и любовь улетела —
Где-то надо и ей зимовать.

*

Осень выбрала золото в смете, —
Только дождь, только темень да свист.
И в окно постучавшийся лист —
Как метафора жизни и смерти.

Это горше, чем ревность и страсть,
Так что впору во тьму улыбнуться.
Он не хочет на землю упасть,
И не может на ветку вернуться!

*

Прощай, золотая, прощай.
Ну, здравствуй, прохожая, здравствуй.
И стань золотой невзначай —
Немного, хотя бы, поцарствуй.

Поцарствуй, помучься, поплачь...
Поплачься, посмейся, помучай...
Из всех безнадежных удач
Я — самый отчаянный случай.

Все прахом пошло. Ну так что ж!
Вовек на Руси не узнаешь —
Где радость чужую найдешь,
Где горе свое потеряешь.

*

Убивала. Спасала. И снова
Убивала. Спасала опять.
Ни полслова, ни четверти слова,
Ну а взгляда — совсем не понять.

Покачнутся кирпичные стены,
А потом рассыпается мгла.
Пусть любовь не спасла от измены,
Но тоска по любви —
сберегла.

*

Сердце напилось
Снежной заметью —
Скоро эта злость
Станет памятью.

Душу не неволь
Неизбежностью —
Скоро эта боль
Станет нежностью.

Не сходи с ума,
Будь беспечною —
Скоро эта тьма
Станет вечною.

Тонут голоса
В снежной замети,
Как твои глаза
В моей памяти.

*

Когда расслышал: «не люблю», —
Он сунул голову в петлю.
И поняла его петля,
И приняла его земля...

Расслышав эти же слова,
Я сунул руки в рукава
И распустил твою петлю...
И разлюблю...
И полюблю!

*

Опять ни шатко и ни валко
Сквозь сумрак крыльями шурша,
Ворона — в направленье свалки,
И в сторону любви — душа.

Никто друг другу не мешает,
У каждого дела свои.
И Русь большая-пребольшая
Лежит от свалки до любви.

2000

* * *

Пахнут почками тополя,
Пахнет строчками боль моя,
Пахнет нежностью и бедой,
Пахнет вечностью молодой.

2006

* * *

Я, наверно, очень старый человек,
Я живу уже который раз подряд –
И не помня век, я помню этот снег...
И лица не помня, помню этот взгляд.

Я забыл про то, как прежде уходил, –
Умер сам

или дубинкой по виску,
Или нож мне прямо в сердце угодил,
Или пуля улеглась в моем мозгу.
Я забыл, – то был закат или разбег.
Я забыл – в перины рухнул

или в грязь...
Только помню, что я старый человек.
И боюсь, что я живу
в последний раз.

1986

* * *

Великоросская тоска
Не характерна для еврея, –
Зачем же вена у виска
При слове «Суздаль» иль «Москва»,
Стучит сильнее.

И роднее
Становится вокруг простор,
И нежность застилает взор,
И хочется прощать, прощаться...
Еврей ли, русский – все одно;
Чуваши, мордвин... Почти темно –
И луч последний есть для счастья.
А где-то там шумит Москва,
Мерцают Ярославль, Владимир...
Великоросская тоска
Не умерла...

И я не вымер.

2006

* * *

Н. Дмитриеву

Как ни зайдёшь, с какого боку,
И так и сяк, — ну хоть убей —
Все у него не слава Богу,
И все не так, как у людей.

Но он такой. Хотите, верьте,
Хотите, нет, — и потому
Всем с перепою мнятся черти,
И только ангелы — ему.

1988

* * *

Ты никто и звать тебя никак...
За окном ноябрьский лютый мрак,
Сердце насмехается: так-так,
Ты никто и звать тебя никак.

Жизнь – бардак, и едет твой чердак,
Так его, растак и перетак,
И часы, собаки, тик да так –
Ты никто и звать тебя никак.

Ты схватить пытаешься пальто,
Но никак. И звать тебя никто.
Кашляет за стенкой дед Пихто, –
Он – никто. И ты, дружок, никто.

В дверь стучатся. Спрашиваешь: кто?
– Это я. И звать меня Никто.

1993

* * *

А жизнь бесспорно хороша,
Хотя и подловата малость.
Как здорово, что есть душа, —
Иначе б сердце разорвалось.

И я пока еще живу,
Свою залатываю душу,
То ли во сне, то ль наяву,
Равно любя теплынь и стужу.

1993

* * *

Владимиру Мисюку

Какой уютный дворик,
Как-будто бы во сне.
Какой печальный дворник
Идет навстречу мне.

Он снег гребет лопатой
И ходит по прямой,
Он стал почти горбатый
От музыки самой.

Чудесная погода!
Вот только не пойму:
Какое время года?
И нежность почему? —

Ах, этот самый дворник,
Стрезва или спьяна,
Убрал крошечный дворик
В тугие письма.

Дружок, не будь спесивым
И письма все прочти, —
И станешь вдруг счастливым
Почти,
 почти-почти...

У, сколько в мире снега,
Но музыка права.
И снег восходит в небо
Как из земли трава.

2012

* * *

Еще немного продержись,
Чтоб душу вечную иметь
На всю оставшуюся жизнь,
На всю оставшуюся смерть.

Чтоб разучиться не успеть
Любить
 и помнить о земле
За эту жизнь,
 за эту смерть,
За веки вечные во мгле.

2014

* * *

Смотрел на воду, на костер,
Как на родные лица.
И наш счастливый разговор
Все длится, длится, длится.

Он мне не надоел еще
И надоест едва ли,
Хотя, подумать здраво, все
Друг другу мы сказали.

Вокруг – простор.
Во мне – простор, –
Не стоит суетиться...
Смотрю на воду, на костер,
Как на родные лица.

1999

* * *

Возвращенье на круги своя –
И судьба и великая милость.
Здравствуй, горькая радость моя, –
Ты мне встретилаcь или приснилась?

Я – то думал, что все позабыл,
Все забыл – от конца до начала.
Не жалел я тебя, не хранил –
Отчего ж ты во мне зазвучала?

Или вспомнились лучшие дни,
Перетекшие в лучшие годы,
Где мерцают родные огни,
И родные гудят пароходы.

Где живет первобытный восторг,
От которого грустно и сладко,
Где еще головой на восток
Чутко дремлет и ждет меня бабка.

1994

* * *

Между сумой и тюрьмой
Я возвращаюсь домой, –
Доктор (отнюдь не Живаго).
Мимо ментов и бандюг,
Мимо друзей и подруг –
Тоже, заметьте, отвага.

Тоже, представьте, судьба.
Нынче не только раба –
Душу живую из тела –
Выдавить всякий готов –
Столько бандюг и ментов...
Господи, как надоело.

Господи, Боже ты мой,
Между тюрьмой и сумой
Родина вся повалилась.
Но от сумы и тюрьмы
Не отрекаемся мы.
Боже! Спасибо за милость.

2002

* * *

Мой товарищ, мой верный попутчик
Утомился сей мир понимать, –
Если спросишь: куда мы, голубчик?
Он в ответ: в растудыт твою мать.

Далеко ли до русского Бога?
Может, только до первой звезды,
Но родимая наша дорога
Душу вытрясла до пустоты.

Где ж вы, цели? Прекрасные цели...
Видно, там же, где наши вожди.
Лишь российские свищут метели,
Лишь российские хлещут дожди.

Вдоль обочин темно и убого,
За спиной догорает закат.
Гей, простор, далеко ли до Бога?!
Вправо? Влево?

Вперед ли? Назад?!

1990

* * *

Это сколько ж промотано в прах?..
Пот кровавый под рваной рубашкой.
Ах, Отечество, если б не страх
Пред твоею десницею тяжкой.

Вот бы плюнуть да стать бы чужим,
Чтоб с усмешкою дерзкой и злою...
Ах, Отечество, если б не дым,
Что глаза застилает слезою.

1983

* * *

Синяя осенняя вода,
Золотая дымка листопада.
Листья умирают навсегда,
Как и люди. А в душе отрада.

Синяя осенняя вода,
Волга дышит чисто и упруго.
Листья умирают навсегда, –
А на сердце свет взамен испуга.

2000

* * *

Не пугайте меня, не пужайте,
Не пророчьте мне черного дня;
Уважайте себя, уважайте
И чуть-чуть уважайте меня.

И не то чтобы смел от природы,
Просто знаю я, что впереди,
И поэтому страх несвободы
Навсегда поселился в груди.

Выбираясь из вечного круга,
Где в обнимку с надеждою грусть,
Я давно,
 я настолько запуган,
Что уже никого не боюсь.

1986

* * *

Никогда не устану смотреть
Как с деревьев листва облетает.
Верю: это не боль и не смерть, —
Ну а тайны никто не узнает.

Я люблю этот ласковый прах
Под ногами так нежно шуршащий.
Лес октябрьский опенком пропах
И светло, словно во поле, в чаще.

Только душу нельзя повторить,
Что однажды истает с листвою,
Но кого же мне благодарить
За покой и за страсть, и за волю, —

Что любил я и холод и зной,
И что солнце и жглось и лучилось,
И за все, что случилось со мной...
И за все, что со мной не случилось.

1996

* * *

Светом закатным по стеклам,
Ветром, ревушим во мгле,
Дождиком кратким и теплым
Приговорен я к земле.

Звезд и снежинок мерцанье...
Только бы воли и сил,
Чтобы и при расставанье
Все так любить, как любил.

1989

* * *

Ни смелее не стал, ни мудрее, —
Лишь нежнее стал наверняка,
Горемычное сердце еврея
Ощувив у себя за века.

И доньне в теплынь или стужу
На свету, в темноте, — все равно, —
Развеселую русскую душу
Утешает, как может, оно.

2002

* * *

Мир мой драгоценный и грошовый,
Все ж я разлепил глаза свои
После продолжительной, тяжелой
И счастливой, в общем-то, любви.

Вот и все. Конец сердечной смуте,
Я в упор смотрю на белый свет.
В ясной до прозрачности минуте
Столько растворилось дней и лет.

Бьется сердце ровно и нечасто,
И одно лишь непонятно мне:
Радоваться или огорчаться
Ясности такой и тишине?

1985

* * *

Пляшет пламя под музыку ветра,
И деревья протяжно поют.
Хорошо от огня в сантиметрах
Ощутить непонятный уют.

Есть светлейший уют в непогоде,
Всхлипах ветра, скрипенье стволов,
Оттого что и осень проходит,
Как надежды, печали, любовь.

Потому под моими руками
В этот хмурый, сырой листопад
Пляшет, пляшет счастливое пламя,
И веселые искры летят.

И не страшно, не страшно, не страшно
Ни деревьям, ни мне, ни костру,
И качаются кроны отважно
На промозгом осеннем ветру.

1982

* * *

И снится мне прекрасный сон,
Что я врагами окружен,
Глаза их – волчьего оттенка,
И окружен я с трех сторон,
А за спиной, похоже, стенка.

В руках у них по кирпичу,
Движения неторопливы;
А я и драться не хочу,
А я и так почти счастливый.

И у меня зажат в руке
Вполне увесистый булыжник,
Хватить бы камнем по башке
Ближайшего из этих ближних.

Но отчего-то я стою,
И не кричу, и не психую,
И жалко голову свою,
Почти, как голову чужую.

1988

* * *

Пахнет осенью поздней планета,
Острый ветер напорист, как нож.
Удирай хоть со скоростью света, —
Сам себя, все равно, не спасешь.

И созвездия грустно свисают,
И костер пропадает в золе...
И любовь никого не спасает,
Кроме тех, кто живет на земле.

2003

* * *

По течению, по течению,
День за днем да за годом год...
Посмотрел на зарю вечернюю,
Глядь, —
а это уже восход.

Гонит сила неодолимая,
Перепутались все следы,
Посмотрел на лицо любимое,
Глядь, —
а это уже не ты.

Совесьть правила,
Страсть коверкала,
Время двигало
напрямик...
Посмотрел ненароком в зеркало,
Глядь, —
а там незнакомый мужик.

1985

* * *

Откладываем счастье на потом:
На час, на два, на завтра, послезавтра...
И потому на волю за окном
Глядим уже без прежнего азарта.

И все чего-то ждем, и ждем, и ждем,
Как будто этот день нам непригоден.
И понимаем ясно, что уйдем,
Не понимая, что уже — уходим.

1988

* * *

Созрели яблоки и звезды
И глухо падают в саду,
И льется августовский воздух,
Как будто брага на меду.

О ночи на исходе лета!
О предпоследнее тепло!
Когда все вспоено, согрето —
Но все уже почти прошло.

Когда, блуждая над заливом,
Под волн бесхитростный мотив,
Поймешь, как мало быть счастливым,
Себя счастливым ощутив.

1986

* * *

Помолчим, ни к чему обещастья, —
Пусть они остаются в крови.
Время есть для любви и прощанья,
Для прощанья и вновь для любви.

Помолчим. Ощутим обнищанье
На минуты, на солнечный свет.
Время есть для любви и прощанья.
И на мелочи времени нет.

1992

СУДЬБА

Пусть дни покатили на убыль
По скользкой предзимней тропе,
Начищу ботинки и зубы
И выйду навстречу судьбе.

А кровь то морозней, то жарче.
И голос возникнет трубя:
«Чего тебе надобно, старче?» —
Я скромно отвечу: «Тебя!»

Две меткие молнии кинет
И крикнет в лицо: «Идиот!»
А все же меня не покинет,
А все же со мною пойдет.

До спазма последнего в сердце,
Последнего всхлипа в груди
Тебе ль от меня отвертеться?!
И мне от тебя не уйти.

1994

* * *

Я живу без особого смысла
С легким сердцем в тяжелой крови, —
Я давно уже с круга слюбился
И теперь не могу без любви.

Так и жить бы от света до мрака,
Никого и ни в чем не виня,
Но присутствие чуткого страха
Все пронзительней день ото дня:

Чьих-то рук у любимых запястий,
Чьих-то воплей у тихой реки, —
Эта жизнь все опасней, опасней,
Все прекрасней себе вопреки.

И не чья-то большая ученость
Оправдает летящие дни,
А твоя и моя обреченность,
Страх потери и чувство вины.

1995

* * *

1

Потемнело. И дело к зиме,
И душе одиноко и больно.
Но тебя я застал на земле,
И довольно, довольно, довольно...

Остальное пребудет с тобой
И со мной — как судьба или память.
Слишком долго живет эта боль,
Чтоб пройти и любви не оставить.

2

Я тебя приучил как собаку
К нежной боли, к любимой судьбе
И бессонному древнему страху
Потеряться в веселой толпе.

Только рвать поздновато рубаху
И шептать среди белого дня:
Я тебя приучил как собаку... —
Если ты приручила меня.

1996

* * *

... Не на золотое крыльцо,
А на этаж твой — устало.
Как просияло лицо,
Боже мой, как просияло!

Скучные шляпа, пальто,
Времени злые заметы.
Кто я такой, и за что
Так улыбаешься мне ты?

1992

* * *

Хорошо, что ты рядом и дышишь, —
Все сказала... — молчанье в ответ.
Ведь родней ничего не услышишь,
Хоть живи еще тысячу лет.

Хорошо, что ты рядом и дышишь...
Ты когда-нибудь это поймешь:
Ведь родней ничего не услышишь, —
Даже если совсем не умрешь.

1993

* * *

Все равно раствориться нельзя,
Хоть сто раз повторю твое имя, —
Потому что родные глаза
В глубине остаются чужими.

Даже в этих, что плавно скользя
Снова прячут слезу за ресницы,
Все равно раствориться нельзя, —
Отразиться, еще отразиться...

1992

* * *

Ты клянешься, клянешься, клянешься.
Я клянусь, я клянусь, я клянусь...
А наутро чужой ты очнешься,
А наутро другим я проснусь.

То ли сны, то ли частые сети, —
Но слова разлетаются в дым.
Ничего нет святого на свете, —
Кроме неба
и жизни под ним.

1992

* * *

Я хочу, чтобы ты улыбнулась,
Если вспомнишь меня невзначай.
Просто так улыбнулась —
Во тьму,
 в мирозданье,
 в прохожего,
 в стену,
Не замечая сама того,
Что улыбаешься.

1993

* * *

Ни о чем я ее не молю,
Потому что, должно быть, не стою.
Только памятью жадной ловлю
Лепетанье ее золотое.

Говорит, а слова так чисты,
И бессвязны, и полуслучайны,
Так бессмысленен шелест листвы,
Но так много в нем смысла и тайны.

И не верить нельзя в чудеса,
Чудо дивное видя воочию:
На глаза набежала слеза —
И они превращаются в очи.

Будто душу спасая мою...
...Ни о чем я ее не молю.

1987

* * *

В этой жизни все так хрупко, —
Прикоснешься — разобьешь.
Что же ты, моя голубка,
Без закуски водку пьешь?

Что дымишь ты час-минуту,
Али жизнь не хороша?
Я любить тебя не буду,
Раскрасавица-душа.

Что ж ты врешь напропалую
И не веришь никому?
Я тебя не поцелую,
Я тебя не обниму.

Выпью с горя, где же кружка?
Мутно небо, ночь мутна...
Как же ты, моя подружка,
Чисто плачешь у окна.

1995

* * *

Перекипело в крови,
Прошелестело листвою:
Ты не достоин любви, —
Сам признаю, что не стою.

В точку упреки твои,
Да узелок не разрубишь:
Стану достойным любви —
В ту же секунду разлюбишь.

1993

* * *

Ты прошла незаметно как жизнь.
Я тебя проморгал, проворонил.
У подъезда хотя б задержись, —
Я твои отогрею ладони.

У подъезда хотя б задержись,
Обернись, улыбнись — сделай милость...
Ты прошла незаметно
как жизнь.

Вот и все.

Ничего не случилось.

1992

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

«Я люблю тебя, подлая дура!..»
Я честнее не слыхивал слов, —
Будто к сердцу приставили дуло
И курок опуститься готов.

Словно вечной тоскою подуло,
И уж сам прошептать я готов:
«Я люблю тебя, подлая дура», —
И нежнее не выдумать слов.

1991

* * *

Я любил тебя
еще в прошлом тысячелетье —
какие древности.
Почти античность,
а как будто вчера,
и привкус ревности
еще не выдохся
на моих губах —
чуть повыветрился.

Я могу хоть сегодня
встретить твой взгляд,
но боюсь как выстрела.

Я любил тебя
еще в прошлом веке, —
поклон средневековью.

Смешная штука время —
ведь не успеешь
повести ты бровью,

а я — навстречу
живой
и невредимый.
Такой же, как и жизнь назад,
родной...
Да нелюбимый.

2005

ЛЮБОВЬ

Нет, жизнь не стала проще и ясней,
Душа не стала чище и честней,
И годы прут от мига и до мига.
Я б выжил без нее. Но только с ней
Я горе упустил и счастье мыкал.

1993

* * *

За печалью последнее слово,
А вернее за смертной тоской.
Потому и трагична основа
Самой светлой судьбины людской.

Как подумаешь снова и снова,
Как приставишь ладони к челу, —
За печалью последнее слово...
А любви и слова ни к чему!

1997

* * *

Самая вечная новость, –
Выглянул ночью в окно:
Звездное небо и совесть –
В сущности, это одно.

Как это близко друг к другу:
Вечность, любовь, пустота...
Вытянул робкую руку –
Что там, – душа ли,
звезда?..

2000

* * *

Жду ль чего? Жалею ли о чем?

М.Ю. Лермонтов

В этой жизни не стоит жалеть
Ни о чем. Лишь о ком-то, о ком-то? —
Вспомнишь, примется сердце болеть
И не выплыть из этого омута.

Позабыты позор, торжество,
И со страсти сошла позолота.
Я не помню почти ничего —
Лишь кого-то,
 кого-то,
 кого-то.

1990

ВЕЧНЫЙ МОТИВ

Дорога длинная...
Калина красная...
Береза белая...
Опять? – Опять!
И беспричинная
Печаль прекрасная,
И песню смелую
Легко начать.

Ах, не напрасная,
Не беспричинная
Тоска иголкой
Саднит в груди, –
Калина красная,
Дорога длинная,
Разлука долгая –
Все позади.

Бесчеловечная
Разлука вечная,
Пустыня млечная
В конце пути...

Калина красная.
Печаль прекрасная.
Душа напрасная,
Прощай-прости.

2004

* * *

Грустно угли мерцают в золе,
То малиновые, то голубые...
В первый раз я живу на земле –
Или кажется мне, что впервые?

Пусть природа не любит спешить,
Для нее это вместо зарядки,
Что ей стоит порою сложить
Те же кубики в том же порядке?

Просто все я почти позабыл,
Все порушила времени бездна...
Смутно помню: кого-то любил!
А кого? – Вспоминать бесполезно.

1996

* * *

Довольно слоняться, довольно
Меж будущих наших могил.
Быть мертвым нисколько не больно, —
Я им до рождения был.

Оставим же страх этот зряшный,
Покуда нам есть что любить.
Быть мертвым нисколько не страшно, —
Быть мертвым — всего лишь не быть.

Два страха. Две тайны. Две ночи.
Друг друга ничуть не страшней,
Друг друга ничуть не короче,
Друг друга ничуть не длинней.

1987

* * *

И подумалось как-то случайно,
Ну а после еще и еще:
Все на свете не так уж печально,
Потому что кончается все.

Потому что кончается вечер,
И уходит родной человек,
Ну а после закончится ветер,
Ну а позже закончится снег.

И совсем это даже неплохо,
Что кончаются выдох и вдох,
Что закончится наша эпоха,
Как закончилось много эпох.

И уже никому не избавить
От веселой печали меня,
Потому что закончится память,
Эта смертная память моя.

И пугающая бесконечность —
Метеорный стремительный след.
О, как быстро закончилась вечность,
Из которой мы вышли на свет.

1990

* * *

Сыро-сыро пахнет снегом,
Детством, памятью, тоской.
Низким-низким небом-небом
И осеннею рекой.

Тихо-тихо, страстно-страстно
Снег идет,
идет,
идет, —
Совпадет душа с пространством,
Время тотчас пропадет.

Даль сквозная, гладь речная, —
Стылой Волги полотно...
Сколько лет тебе? — Не знаю.
Сколько жизней? — Все равно.

2000

* * *

Обойдусь без метафор красивых,
Без эпитетов свежих вполне, —
Лишь бы шорох в осенних осинах
Отзывался тревогой во мне.

И восточная мудрая спелость
Ни к чему на просторной Руси, —
Лишь бы выдохнуть не расхотелось
Наше горькое слово: прости.

И душа не покатит на убыль,
И живи себе кум королю,
Если рвется сквозь сжатые зубы
Беспощадное слово: люблю.

1987

* * *

Как за этим за столом
В час январской лютой стужи
Мы сидели вчетвером:
Ты да я, да наши души.

Как за этим за столом
В светлом месяце апреле
Мы сидим с тобой вдвоем,
Будто бы осиротели.

Разговор ведем пустой,
Вот и все — дошли до точки.
Там, где были мы с тобой —
Ты да я
поодиночке.

Только ты
и просто я...
Одинокая моя!

1985

МОЛИТВА

Судьба! Милосердною будь
К живой неразумной планете.
Ведь не виноваты ничуть
Деревья, собаки и дети.

Избавь от кислотных дождей,
От стронция на тротуарах, —
Но пуще от новых вождей
И от воскрешения старых.

От сверхчеловечьих идей,
Без устали рвущих планету,
От нелюдей и сверхлюдей,
Меж коими разницы нету.

Согрей животворным лучом,
Яви свое долготерпенье, —
Ведь не виноваты ни в чем
Все будущие поколения.

Храни нас в космической мгле
На всех траекториях длинных, —
Ведь даже на грешной Земле
Так много святых и безвинных.

1987

* * *

Валентину Рябову

В этом городе нестаринном,
В этих скроенных наспех домах,
В этом лепете тополином
И любовь мировая, и страх.

Та же нежность и те же печали
И улыбка на грустном лице,
И душа будто в самом начале,
А судьба уже в самом конце.

Та же боль от истока до устья,
Тот же свет, отражающий тьму.
Захолустье мое, захолустье,
Не сдающееся никому.

Кто-то светит во тьму папироской,
Кто-то слышит в родимой глуши
И дыхание биржи нью-йоркской,
И стенания русской души.

2000

* * *

Ни о чем, — о самом главном
Может ритм, а может гул,
То ли Волга в беге плавном,
То ли ветер в душу дул.

Я очнулся, я проснулся —
Сделал вдох, — не поперхнулся
На ветру и на волне...
И такая жизнь по мне!

Этот ветер чую кожей,
Пьяным сердцем, трезвой рожей.
И коварную волну
Ни за что не прокляну.

2000

* * *

В краткий час предзакатной порой
Грусть моя как судьба безотчетна.
Три сосны на горе меловой
Засинели пронзительно четко.

Отдаляет привычный предел
Наше поле ложбинкой любою,
До которой дойти не успел,
Но которая дышит любовью.

И минуты прозрачные для,
Предпоследним лучом залитая,
Будто остановилась Земля
Вся прощальная и золотая.

Но не просто Земля — а печаль,
И мечта, и беда, и отрада.
И не просто безмерная даль —
Смысл дыханья и злая отравя.

И надежда, и вечная боль, —
То душа бесконечно стремится
Или все это сделать собой,
Или напрочь во всем раствориться.

1988

* * *

Но иногда, за что — не знаю сам,
Нисходит свет к полуслепым глазам,
И рассветает даже в непогодину.
Глаза закрою — и опять смотрю,
Всю жизнь смотрю на юную зарю
И воскрешаю душу
или родину.

И золотой в лучах рассветных дом,
Моторку, тарахтящую с трудом,
И ни прогала нет в строю березовом.
Восторг и нежность, вечность и простор,
И ветер, падающий с белых гор,
И Волгу в голубом,
и небо в розовом.

Все это было...

Значит навсегда
Останется во мне, пускай года

Проносятся на запредельной скорости.
Ведь иногда, за что — не знаю сам,
Нисходит свет к полуслепым глазам —
И на душе
 ни страха
 и ни горести.

1994

* * *

Вера есть. Уверенности нету.
Память есть. Да что там вспоминать.
Пошталась грусть моя по свету
И опять пришла ко мне, опять.

Пусть ее потрепана одежда.
На груди дощечка — грош цена, —
Я ее впущу, конечно... Все же
Не пустая женщина она.

Ведь и сам я улыбаюсь редко.
В знак вопроса сгорбилась стезя...
А Вселенная — всего лишь клетка,
Из которой и дурать нельзя...

Но в душе порой такая нежность
Ко всему, что дышит и сопит,
Что пред нею меркнет неизбежность,
И душа лишь любит и грустит.

1988

ЗИМНИЙ РОМАНС

Ночные улицы пусты —
Ни вопля пьяного, ни брани.
И тонут свежие следы
В нестрашном городском буране.

И ни одной души живой,
И ни одной дворняги даже.
Лишь снег живой
 над головой,
Да мгла без купли и продажи.

Ночные улицы пусты.
По ним светло бродить без цели.
Ночные улицы чисты,
Как первобытные метели.

И снег в счастливом кураже
Под ветер с северо-востока
Летит, летит... И на душе
Просторно, чисто, одиноко.

1995

* * *

На невеликой русской реке
Угли мерцают в ночном костерке.
Угли мерцают... А рядом тьма
Непроходимая для ума,
Лишь пролетаемая для души.
Пламя дрожит во вселенской глуши,
Угли потрескивают в костерке,
Рыбы и звезды играют в реке.

2000

ДРУГУ-СТИХОТВОРЦУ
ВЯЧЕСЛАВУ СМИРНОВУ

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн...

А.С. Пушкин

Как хорошо сидеть в теньке
На лавочке ли, на пеньке,
И вдаль глядеть, — благое дело.
Вот с ветерком проехал «мерс», —
В нем не чухонец и не перс, —
Российское родное тело.

Его я, может быть, лечил,
Потом зарплату получил...
Ха-ха, да Бог с ним, с телом этим.
Давай опять посмотрим вдаль
Сквозь ненависть и сквозь печаль
И на простой вопрос ответим:

Куда ж нам плыть?
Всегда туда,
Куда не едут поезда,

Все прямо — к роковой развязке, —
Туда, куда и облака...
Давай возьмем себе пивка,
Ах, извини, ведь ты в завязке.

Опять промчался «мерседес», —
Другой иль тот же? Только бес
Их посчитает; пусть несутся —
Они не смотрят в облака,
Они не помнят ни фи́га,
Они и в храме не спасутся.

И нам не надо их казны
И в страшном сне. Они грозны,
Они важны. А мы — нежны.
Они пройдут как злые зимы.
А мы с тобою не нужны
С того лишь, что необходимы.

Но потому отпустим им
Все их грехи и все простим,
И всех отчаянно возлюбим!
Счастливый путь, счастливый путь!
Твоей души, хоть кто там будь, —
Мы даже рифмой не загубим.

Как хорошо сидеть в теньке, —
Не в ресторане-кабаке,
А на пеньке под облаками,
Глазами упираясь вдаль,
Сквозь ненависть и сквозь печаль,
И ветер чувствовать руками.

1995

* * *

Люблю осенние ветра
За их непрошенную свежесть,
За то, что с ночи до утра
Гудят, секунды не понежась.

За то, что всех нас в оборот
Берут решительно и споро.
За то, что балуют народ
Забывтым запахом простора...

1987

О РУССКОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ

Е. Л.

Может, татарин. А может, еврей.
Дальний, а может быть близкий, —
Только не волк я по крови своей,
Но человек я российский.

Мне непонятно — о чем разговор?
Что тебя, милый, тревожит? —
Каждый вобрал в себя русский простор,
Каждый, кто хочет и может.

Ты успокойся, и хватит на всех
Воздуха, славы и слова,
Только не взваливай на душу грех
И не дели ты родного.

Скажут: какой вы, товарищ, чудаки,
Сделают жест неприличный
Русскоязычный поэт Пастернак,
Лермонтов русскоязычный.

2000

ОМ-328

Волга. Волны. Морось. Осень.
Что-то ветер закрепчал.
Омик-328
Трется боком о причал.

Как твои дрожали шлюпки
От расстроенных гитар –
Красны девицы! – Не шлюхи.
И не водка – «Солнцедар!»

Как ты шел, груженный чудом,
Светом, ревностью, тоской.
Как ты попевал повсюду,
Мой озерный, мой морской...

От зарплаты до заплаты...
Глядь, а век уже не тот.
Битый, латанный, помятый
Дизель мой, электроход.

Снова Волга. Снова осень.
Вот уже и первый снег.
Омик-328,
Омик-гномик-человек.

2002

* * *

Полистав мой синий томик,
Критик из Москвы самой
В нем нашел стихи про «Омик»
И сказал, что «Омик» – мой.

Не с какого-то испуга,
Но как судеб торжество,
Превратимся мы друг в друга –
Он в меня,
а я в него.

Сколько сказочных прозрений
Нам порой дарует стих.
Я не против превращений,
А, особенно, таких.

Не на обской, не на невской,
Но на волжской на волне
Старый «Ом» «Борис Скотневский»
Вам напомним обо мне.

Чисто-чисто, горько-горько
Протрубит речная даль...
Покатаемся на Борьке!
Поразвеем грусть-печаль.

2012

ПЕРЕПИСЬ

Что за бред окаянный –
Вымирать не спеша, –
Мрут Сереги, Иваны –
Убывает душа.

Может, все перемелем
И Господь нас спаси, –
Вымирают Емели
Во просторах Руси.

В КВНы играем,
Посещаем кино, –
Все равно вымираем
И уходим на дно.

С нами вольная воля, –
Пьем по-русски и бьем.
Но все уже глаголем
И все хуже поем.

Все, что грезилось раем,
Превратилось в говно.
Мы с тобой вымираем
И стихи заодно.

Свет летит с поднебесья,
Но костер наш потух...
А китайская песня
Не ласкает мой слух.

2012

* * *

Не верь, не бойся, не проси, —
Вот так и жить бы на Руси,
Да воли не хватает.
Опять проклятая душа
Бредет куда-то, чуть дыша,
И снова обмирает.

И не страшится высоты,
Зато боится пустоты
И верит во спасенье,
И просит, дура, невпопад
У нищих духом райский сад,
А у блядей прощенье.

1999

* * *

Пусть ничего не объяснишь,
И не дойдешь до главной сути –
Глотай предутреннюю тишь,
Все прокуроры спят и судьи.

Пока идет тишайший снег,
Пока не поздно и не рано,
Пока одна душа за всех
Не спит, открытая как рана.

А что расслышит и поймет
От восхищенья до испуга,
Пока тишайший снег идет –
Так то не наша с ней заслуга.

Так то не наша с ней вина.
Все судьи спят и прокуроры.
Гудит живая тишина.
И снегопад ушел за горы.

2011

* * *

Я вернусь — лист уже упадет.
И прозрачною станет округа.
И последний пройдет теплоход
И окликнет меня, словно друга.

Что ж, прощай. Здесь дышать так легко,
А любить — тяжело непомерно.
Широко. Далеко. Высоко.
Бесконечно.

Немыслимо.

Смертно.

1994

ВЕЧЕРНИЙ ВАЛЬСОК

Где-то мелодия в сумерках теплится, –
Ветхий и Новый мой вечный завет,
Крутится-вертится,
 гаснет и светится,
 может быть, встретится,
 может быть, нет.

Я выхожу, и дела мои ладятся, –
Всюду прощающий, тающий свет –
 мгла переплавится
 в белое платъице,
 сердце спохватится –
 было и нет.

Что же, прощай. Если музыка грезится,
Нет и обид до скончания дней.
Только бы встретиться,
 Только бы встретиться,
 Только бы встретиться...
 Только бы с ней.

2012

* * *

Мне страшно, – ведь душа проходит...

С. Есенин

Слишком поздно приходят удачи,
Слишком быстро проходит душа.
Поживешь, поживешь, – и заплачешь,
А над чем: не понять ни шиша.

Над собой, над страной ли, над миром,
Над Вселенной ли? Праздный вопрос, –
Если стало все горьким и милым,
Горьким-горьким, и милым до слез.

Кожей чую как время проходит:
Рядом, ближе, вплотную, насквозь;
При плохой, при хорошей погоде
Кожей чую как время проходит,
Задевая и душу и кость.

Я пока что ни с кем не прощаюсь,
Я к прощанью почти не готов,

Но зато с легким сердцем прощаю
Всех своих ненаглядных врагов.

Им, как мне за слезами и дымом
Ничего не дано различить:
Также страшно исчезнуть любимым,
Также горько любовь пережить.

1992

* * *

Слава Богу, на своих ногах.
Слава Богу, при своих мозгах.
Слава Богу, при своей тоске.
Слава Богу, без ножа в руке.

2012

* * *

Душа, распятая испугом,
И в сердце сжатость кулака...
Прости-прощай, моя подруга,
Держи меня за дурака,

За чудака, за идиота.
Душа устала быть душой.
Ко мне приходит странный кто-то
И говорит: «Ты здесь чужой!».

Какой чужой? Я свой — до пыли,
До основанья, а затем...
Меня когда-то здесь любили
И разлюбили. Насовсем.

Но все равно я свой. Будь другом,
Уйди, не засти белый свет...
Душа, распятая испугом.
Но счастье есть...

Покоя нет.

1999

* * *

Опять, опять кусты зазеленели.
И снова воздух мягок и пьянящ.
И женщина сменив усталый плащ
На платье легкое, бредет как бы без цели.
Она плывет по ветру, не спеша,
Как облако, но в туфлях и с пакетом
И понимает то, как хороша,
И грустно улыбается при этом.
То время, время! Нежно сокрушая
Торопит в невесенние края...
Куда плывешь, красавица чужая?
О чем грустишь, хорошая моя?

2003

* * *

Убывающий свет листопада,
Остывающий, тающий свет...
Счастья вечного нет – и не надо,
Потому что и вечности нет.

Все восходит, проходит, заходит
И восходит когда-то опять, –
И на этой бессмертной свободе,
На ненастной, прекрасной погоде
Так волшебно чуть-чуть постоять.

2011

* * *

Ночь за окнами ползет глухая.
Темень – не заметишь, что ослеп.
Никого ни в чем не упрекая,
Выпью! Водка, огурец и хлеб.

Вспомню! Мир бессмертен и духовен...
И пойду шататься, например,
В эту ночь, глухую как Бетховен,
В эту тьму, слепую как Гомер.

2013

* * *

Виктору Стрельцу

На душе как в юности тепло, –
Видно, ближе бабы, чем бабло.
Знать, уже не станешь подлецом –
Жопой с человеческим лицом.

Денег на пол-литру аккурат, –
Ты мне рад, а я подавно, брат.
Посидим с тобою, погрустим
И имен родных не предадим.

Счастья нет. А воли тоже нет.
Но скажи: откуда тихий свет?!
Словно пред единственным лицом...
Вдруг и я не стану подлецом.

2012

* * *

День прошел и круг замкнулся.
Я чему-то улыбнулся.
И на звезды посмотрел.
И опять не озверел.

2010

* * *

Не верю. Не надеюсь. Лишь люблю.
Прости безверье за любовь мою,
Но только за нее я отвечаю.
Мне повезло, мне крупно повезло, –
Чужую нежность и родное зло –
Я все тебе заранее прощаю.

Я и не знал, что это так легко,
Чтоб сразу рядом быть и далеко,
И ревность разменять на чашку чая.
Но вот живу, судьбу не торопя,
И отвечаю только за себя,
И за тебя, ура, не отвечаю.

2005

* * *

Тишина всегда права.
Онемею как трава.
И молчу слова свои
До печали, до любви.

2012

* * *

Так хорошо, так больно на душе –
Любовь была... Она прошла уже.
Но хорошо и чисто на душе, –
Пускай прошла.

Она была
уже.

2012

* * *

Над пустынной рекою светает...
Ты о чем? – Да почти ни о чем.
Просто жизнь потихонечку тает,
Убывая за левым плечом.

И проходит, и машет рукою.
И болит, надрываясь, плечо...
Так светло над пустынной рекою...
Ты о чем? – Я не знаю еще.

2009

* * *

Асфальт от листьев желт,
И небеса синее.
И снова сердце жжет
Все дольше и больнее.

Ступай через листву,
Слетевшую на волю
Как будто по мосту
Меж нежностью и болью.

Взмывай, листва, лети
И стаями, и розно.
Боли, душа, люби –
Пока еще не поздно.

Покамест сквозь листву,
Слетевшую на волю,
Вернешься по мосту
Меж нежностью и болью.

2009

* * *

Давай, душа, для верности,
Чтоб не избылись радости
Сменяем чувство ревности
На чувство благодарности.

И чтоб засохли в завязи
Никчемные мучения,
Заменяем чувство зависти
На чувство восхищения.

Так лучше, так достойнее,
Так просто справедливее.
И право же, — спокойнее!
И надо же, — счастливее!

1984

* * *

Бродят бабки, печально кряхтя,
Дети носятся в шумной квартире,
Если их не любить, как себя,
Пропадешь в этом сумрачном мире.

И другое известно давно:
Если душу любовью осветишь,
Все равно пропадешь, все равно...
Только, как пропадешь, —
не заметишь.

1990

* * *

Сверху солнышко нежно печет,
Снизу тянет остудой.
И Дунай все течет и течет
Между Пештом и Будой.

Поменяются нечет и чет, —
Был вождем, стал иудой.
А Дунай все течет и течет
Между Пештом и Будой.

Эти окна мерцают с высот
Изумрудною грудой.
Но Дунай все течет и течет
Между Пештом и Будой.

Есть у каждого точный расчет,
Но смотри, не напутаи!
Ведь Дунай все течет и течет
Между Пештом и Будой.

Скоро времечко вынесет счет
Всем делам и надеждам...
И Дунай все равно потечет
Между Будой и Пештом.

2012

* * *

1

Затрепещет листочек осиновый,
Задрожит фитилек керосиновый,
Зарычит за горами гроза, –
Закипит золотая слеза.

Все я помню... Не я, а внутри
За меня кто-то помнит без памяти.
Ты гори, фитилечек, гори, –
Без тебя я как нищий на паперти.

2

За печаль, растворенную всюду,
За надежду, вошедшую в плоть,
Эту жизнь я уже не забуду,
Даже если прикажет Господь.

Боже правый, ты можешь заямить
Или на небо взять. Все равно.
Из меня эту вышибут память
Только вместе с тобой заодно.

1994

* * *

Проявление естества
И высокого доверья –
Начинается листва,
Продолжаются деревья,
И хмелеет голова,
И блаженствует погода,
И бессмертная трава
Молодеет год от года.

2008

ПАМЯТИ ИГОРЯ МЕЛЬНИКОВА

Ты был и чист и светел,
Ребенок и поэт.
Тебя развеял ветер,
Теперь ты просто свет.

Мерцай, наш мальчик милый,
Как тихая звезда, –
И нету ни могилы,
Ни гроба, ни креста...

Теперь ты с главным знанием
Далёко-далеко.
Легко ли быть мерцаньем
И светом быть – легко?

2011

* * *

Не потешить бы вас, распотешить,
А хотел бы я, Боже прости,
Не спасти, но хотя бы утешить, —
А, утешив, быть может, спасти!

И себя, дурака, и планету,
И старуху в убогом пальто,
И дворнягу, и женщину эту,
Хоть ее и не любит никто.

2010

* * *

Хорошо и беспечно...
Чистота шибает в нос.
Дым восходит вертикально.
Солнце. Родина. Мороз.

Свет летит напропалую
Сквозь меня в глухую тьму.
Я пространство расцелую,
Время нежно обниму.

Растворюсь душой и телом
И задумаюсь всерьез:
Хорошо на свете белом —
Солнце.

Родина.

Мороз.

2015

ПОСМОТРИ НА МЕНЯ НАВСЕГДА

Лирическая поэма

*

Возвращаться в любовь — безнадежно!
Но приснился нечаянный сон...
Стало больно и стало тревожно,
Беззащитно с любой из сторон.
Неуютно. Опасно. Я трушу, —
Не помогут ни опыт, ни страсть!
Но не надо спасать мою душу,
Потому что я чую —
спаслась.

*

Сижу я в кабаке.
Мой нос не в табаке —
Он в табаке у тех,
кто говорит серьезно.
Но я один, один на весь кабак,
Кто понимает что оно и как,
Что все исчезнет рано или поздно.
И лишь любовь печальная моя
Задержится у края бытия, —
Ей хватит воздуха, с нее довольно!
Сижу, молчу в гудящем кабаке,
И наплевать, что нос не в табаке.
А на душе так хорошо и больно.

*

Давай, мой друг, по двести грамм налей,
И да минует подлость стороною!
В чужой душе больнее, чем в своей,
Когда она становится родною.

Ты там один среди чужих теней,
Там незащищено и темно до дрожи.
В чужой душе больнее, чем в своей...
И чем больнее, тем она дороже.

*

Я устал от памяти-заботы,
Но попробуй, мысли оборви —
Есть места лишения свободы,
Нет мест лишения любви.

Некуда бежать, — кругом облава.
Всякий путь кончается стеной.
Я — направо, и они — направо,
Я — за угол, и они за мной...

Сколько можно?! Видно, долго можно.
А покой и воля — на потом.
Горько так, отчаянно, тревожно...
Хорошо...

Спасибо и на том.

*

Ты — девочка! Всегда. Во всем —
В незащищенности и страсти.
Опять тебе приснился сон
О счастье
или о несчастье.

А как глаза цветут твои,
А как грустят они, мерцая...
Но кто ты без моей любви?
Да просто блядь немолодая.

*

Душу загубишь —
Жизнь ни на грошик ясней.
Ты меня любишь,
Что ж мне больней и больней?

Все без обмана —
Вот тебе храм на крови.
Что же мне мало
Даже счастливой любви?..

*

Мертвые листья на чистом снегу,
Строгие краски предзимья.
Все позабуду... Тебя — не смогу —
Рученьки, волосы, имя.

Смерть начинается. Боже ты мой!
Оклик живой, но напрасный.
Желтые листья летят надо мной,
В сердце нацелился красный.

*

Вспомнишь обиды свои,
Вечную тяжесть неволи —
Боже! Избавь от любви
Как избавляешь от боли...

Воля! И милости вновь
Равной и аду, и раю
Просишь: верни мне любовь —
Я без нее пропадаю.

*

Я сам себе не господин, —
Должно быть, воля слабовата.
Во всем виновен я один.
Нет! Ты ни в чем не виновата.

Мечусь, минуты торопя,
По краю самому, по краю...
Мне не за что прощать тебя!
Но я за все тебя прощаю.

*

Время прет от мая и до мая
По ему лишь ведомой тропе.
Я тебя уже не вспоминаю —
Я не забываю о тебе.

И теперь пустыми вечерами
Ни измен не помню, ни обид —
Только свет, что пролетел над нами...
И с тех пор летит, летит, летит.

*

Эта музыка не заживает,
Лист над мерзлой землею летает,
А когда мертвый лист упадет,
Все равно она не заживет.

Все так нежно и так незащитно.
Не обидно? Уже не обидно.
Но руками не трогай, не смей —
Лишь дыханьем своим отогрей.

*

Слова и мысли тонут,
Когда иду к тебе.
Ты —
самый тихий омут
Во всей моей судьбе.

Шелковистая травка,
Отлогий бережок —
Чудесная удавка
Для козлика, дружок.

Пасись, пасись, любезный,
Пощипывай траву
Над самой тихой бездной
Во сне и наяву.

До самой тихой смерти
Под тихую луной...
Зато какие черти
Хохочут надо мной!

*

А у меня душа болит,
Болит как зубы,
сердце,
печень.

Не от тоски, не от обид —
Есть, и поэтому болит,
Болит, и защититься нечем.

Она не символ, не обман —
Комочек, но с небесной болью.
Еще я напишу роман,
Насквозь пропитанный любовью.

*

Слышишь — рядом стучат поезда,
В никуда, слышишь, из ниоткуда.
Посмотри на меня навсегда
И прощай.

И останься как чудо.

Я тебя не держу — уезжай
На все стороны белого света.
Оглянись навсегда и прощай,
И не плачь.

И спасибо за это.

Я махнул бы с тобой за века,
Только держат угрюмые корни.
Улыбнись навсегда. И пока...
Я тебя буду ждать на платформе.

*

Ни за что и ни про что
Непогоду возлюбя,
Сдерну с вешалки пальто
И пойду искать тебя.

Я пойду тебя искать
Ни с того и ни с сего.
Что хочу тебе сказать —
Да, пожалуй, ничего.

Просто засмотрюсь вослед
Через дождь, ветрище, тьму
На похожий силуэт,
Сам не зная, почему.

*

Я смотрел в эту темень до дрожи
И искал бесполезный ответ.
Пустота! Мне никто не поможет,
Кроме Бога (которого нет?).

И на окна от верхних до нижних
Посмотрел — и наполнился весь
Тихим страхом за дальних, за ближних, —
И любовью (которая есть!).

2014-2015

СОДЕРЖАНИЕ

«Помню яблоки – алый анис...».....	5
«Я пойду, куда не знаю сам...».....	6
«Из шубы тяжелой...».....	7
«С вековыми деревьями в лад дыши...».....	8
«Да неужели это было...».....	9
РЕКА.....	10
«А небо выцвело за лето...».....	11
«Осень нежность превращает в боль...».....	12
«Зябко одинокому костру...».....	13
«В поле ветер, ветер, ветер...».....	14
«Пахнет корками арбузными...».....	15
«Есть совесть – предел мастерства...».....	16
«Стал я потихоньку замечать...».....	17
«Где же ты, счастливый звон...».....	18
«Посмотрите на белое облако...».....	19
«Свет из вечерних льющийся окон...».....	20
«На весеннем солнышке посиди...».....	21
«Не покорствуя судьбы извивам...».....	22
«Ты поэт, – а не слишком ли смело...».....	23
«Золотое и розовое...».....	24
«Как начать о тебе – не знаю...».....	25
НОЧИ ДЕТСТВА.....	27
«Вздрогнешь, печалью пронизан насквозь...».....	28
«На воду холодно смотреть...».....	29
«Глинистый берег. Синеющий лес...».....	31
НАЧАЛО.....	32
«Выйду в широкое поле...».....	33
«Ни ухабов, ни рытвин, ни кочек...».....	34
«В густой вечерющей мгле...».....	36
ПАМЯТЬ.....	37
РУКОТВОРНОЕ МОРЕ.....	38
«Плыви, плыви, плыви...».....	39
ВОСПОМИНАНИЕ.....	40

«Сквозная знобящая воля...».....	41
ДУХОВНОСТЬ.....	42
ПАМЯТИ ОТЦА.....	43
ЛИСТОПАД.....	45
«Поклонись родным осинам...».....	48
«Ветер, простор и тревога...».....	49
«Почувствовать себя звеном в цепи...».....	50
«Я помню минуту блаженную эту...».....	51
«Так пахнет нежностью и грустью...».....	52
«Хорошо. Хорошо. Хорошо...».....	53
«Я пойду по полю...».....	54
НАДЕЖДА.....	55
«И так прозрачно на душе...».....	57
«Я как будто бы навеселе...».....	58
«Ночь в октябре беспробудна...».....	60
«Мирозданья дремучая сила...».....	61
«Помню – выпили самую малость...».....	62
«Такая тихая минута...».....	63
СЛОВА.....	64
«Витийствовать до головокруженья...».....	65
«Во мгле загадочно-родимой...».....	66
«Пахнет железной дорогой...».....	67
«Снова осень, бескрайняя осень...».....	68
ИЗ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ.....	69
ПЕРЕЧИТЫВАЯ ТЮТЧЕВА.....	70
ПУЛЯ.....	71
«Мы все у Господа в горсти...».....	72
ШАЛЯПИН.....	73
«Свобода, воля, беспредел...».....	74
«Где тут Русь и где там Иудея...».....	75
НЕ УБИЙ.....	76
ТРОИЦА.....	77
«Во мне как судьба говорит...».....	78
«На счастье, а может несчастье...».....	80
ПАМЯТИ ПОЭТА АРШИНОВА.....	81

РУССКАЯ СКАЗКА.....	82
«Так приятно и здорово так...».....	84
«А Родина – она всегда внутри...».....	85
ДВЕ СТОРОНЫ.....	87
БИОГРАФИЯ.....	88
«Не надо долго говорить...».....	89
«Будь здоров, прохожий...».....	90
«Все, что было, ушло в перегар...».....	91
«Ступай себе проселочной дорогой...».....	92
«Запах воды и полыни...».....	93
«Бродил и вдоль, и поперек...».....	94
ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА.....	95
«Если ты поэт пока еще...».....	96
«Родная тишина и гул родимый...».....	97
«Чудо, проще которого нет...».....	98
«Какие были времена...».....	99
«Не кричите, певица...».....	100
«Без надежды и без коварства...».....	103
РЕКИ.....	104
«С ветром резким и мерцающим дождем...».....	105
ЗАПАХ.....	106
«Я по Волге уплыл, а по Лете...».....	108
«Всё. Простились. И слова простые...».....	110
СВОБОДА.....	111
«В этом мраке осеннем...».....	112
«Однажды возникнув из праха...».....	113
«Просыпаешься, как воскресаясь...».....	115
«Пройдут снега и ливни...».....	116
«Покинь свое блочное зданье...».....	117
«Тьма отступила уже...».....	119
«Вижу журавлиную дорогу...».....	120
«Жизнь уходит – зови, не зови...».....	121
«Все бывает. До озноба...».....	122
«Станет сердце беднее на душу родную...».....	123
«Есть КВН, а есть Поэзия...».....	124

«На земле как на земле...».....	125
НЕ СЛЫШНО ШУМА ГОРОДСКОГО.....	126
«Все простил за тоску затяжную...».....	127
«Пленную душой и мыслью тленной...».....	128
«Воздух тоньше и острей...».....	129
«Мир, случившийся из ничего...».....	130
«Сумраку радуюсь, словно лучу...».....	132
«Ночь теплая как дом...».....	133
«Ветерок речной, родной...».....	134
«Такая нежность – душу ломит...».....	135
«О, как легко сойти с ума...».....	136
ОДИНОЧЕСТВО.....	138
«Теперь ему все нипочем...».....	139
«Он вошел – просквозило вином...».....	140
«Ах, совсем не осадки и ветер...».....	141
«Зачем мне после vidi – visci...».....	143
«Не страшайте ее бесконечностью...».....	144
«У меня ничего не болит...».....	145
«Я не верю словам – только звуку...».....	146
«Если хочешь поеть – поешь...».....	147
«Как хорошо сквозь темноту...».....	148
«Дела идут. Контора пишет...».....	149
ЛЮБИМЫЙ СОН.....	150
«Я книгу вечную листаю...».....	151
«Между мной и Богом никого...».....	152
«Ни страха смерти, ни любви...».....	153
«Можно строить, а можно ломать...».....	154
«За какие такие заслуги...».....	155
«Обиды, размолвки, измены...».....	156
«Надежды нет. А радости хватает...».....	157
«Остывает вода...».....	158
«И опять заспешили недели...».....	159
«Мудрец мудрит. Дурак дурит...».....	160
«Жизнь одна...».....	161
«Две точки крайних – половодье...».....	162

ГРУСТНАЯ СКАЗКА.....	163
«Ты грустишь, раньше ты не грустила...».....	164
«Давай потихоньку прощаться...».....	166
«За далеким, за высоким дымом...».....	167
«Все та же даль. Все та же милость...».....	168
«За душою, за бедной душою...».....	169
«Лбом пробуравившь стекло...».....	170
СЧИТАЛОЧКА.....	172
«Ребенок говорит: «БО-БО...».....	173
«Вселенная... Какое чудо!...».....	174
«Бедный мой, душевный человечек...».....	175
«Пред мелодией живой...».....	176
«Над Волгой золотистый дым...».....	177
«Живая строка у меня забылась...».....	178
ПАМЯТИ ПОЭТА.....	180
«Потерялась счастливая нота...».....	182
«Родимые запахи, звуки...».....	183
«Вот и снова весной молодую...».....	184
«Я так люблю реки...».....	185
«Лампочка и мотыльки над ней...».....	187
«Ни Коли, ни Сережи...».....	188
«Догорай! – чтоб как в песне поется...».....	190
«Туман, синеющий над черным полем...».....	191
«Какие серьезные вещи вокруг...».....	192
ПОСЛЕДНИЙ ВАГОН.....	193
В СТОРОНУ ЛЮБВИ	
(Лирическая поэма).....	194
«Пахнут почками тополя...».....	207
«Я, наверно, очень старый человек...».....	208
«Великоросская тоска...».....	209
«Как ни зайди, с какого боку...».....	210
«Ты никто и звать тебя никак...».....	211
«А жизнь бесспорно хороша...».....	212
«Какой уютный дворик...».....	213
«Еще немного продержись...».....	215

«Смотрел на воду, на костер...».....	216
«Возвращенье на круги своя...».....	217
«Между сумой и тюрьмой...».....	218
«Мой товарищ, мой верный попутчик...».....	219
ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ.....	220
«Это сколько ж промотано в прах?...».....	221
«Синяя осенняя вода...».....	222
«Не пугайте меня, не пугайте...».....	223
«Никогда не устану смотреть...».....	224
«Светом закатным по стеклам...».....	225
«Ни смелее не стал, ни мудрее...».....	226
«Мир мой драгоценный и грошовый...».....	227
«Пляшет пламя под музыку ветра...».....	228
«Все промотано, кроме души...».....	229
«И снится мне прекрасный сон...».....	230
«Пахнет осенью поздней планета...».....	231
«По течению, по течению...».....	232
«Откладываем счастье на потом...».....	233
«Созрели яблоки и звезды...».....	234
«Помолчим, ни к чему обещастья...».....	235
«Эта нежная злая забота...».....	236
СУДЬБА.....	237
«Я живу без особого смысла...».....	238
«Потемнело. И дело к зиме...».....	239
«...Не на золотое крыльцо...».....	240
«Хорошо, что ты рядом и дышишь...».....	241
«Все равно раствориться нельзя...».....	242
«Ты клянешься, клянешься, клянешься...».....	243
«Я хочу, чтобы ты улыбнулась...».....	244
«Ни о чем я ее не молю...».....	245
«В этой жизни все так хрупко...».....	246
«Перекипело в крови...».....	247
«Ты прошла незаметно как жизнь...».....	248
ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР.....	249
«Я любил тебя...».....	250

ЛЮБОВЬ.....	252
«За печалью последнее слово...».....	253
«Самая вечная новость...».....	254
«В этой жизни не стоит жалеть...».....	255
ВЕЧНЫЙ МОТИВ.....	256
«Грустно угли мерцают в золе...».....	258
«Довольно слоняться, довольно...».....	259
«И подумалось как-то случайно...».....	260
«Сыро-сыро пахнет снегом...».....	262
«Обойдусь без метафор красивых...».....	263
«Как за этим за столом...».....	264
МОЛИТВА.....	265
«В этом городе нестаринном...».....	267
«Ни о чем, — о самом главном...».....	268
«В краткий час предзакатной порой...».....	269
«Но иногда, за что — не знаю сам...».....	271
«Вера есть. Уверенности нету...».....	273
ЗИМНИЙ РОМАНС.....	274
«Жизнь пройдет... А менять неохота...».....	275
«На невеликой русской реке...».....	276
ДРУГУ-СТИХОТВОРЦУ В. СМИРНОВУ.....	277
«Люблю осенние ветра...».....	280
О РУССКОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ.....	281
ОМ-328.....	282
«Полистав мой синий томик...».....	284
ПЕРЕПИСЬ.....	286
«Не верь, не бойся, не проси...».....	288
«Пусть ничего не объяснишь...».....	289
«Я вернусь — лист уже упадет...».....	290
ВЕЧЕРНИЙ ВАЛЬСОК.....	291
«Слишком поздно приходят удачи...».....	292
«Слава Богу, на своих ногах...».....	294
«Душа, распятая испугом...».....	295
«Опять, опять кусты зазеленели...».....	296
«Убывающий свет листопада...».....	297

«Ночь за окнами ползет глухая...».....	298
ЗАЩИТА.....	299
«На душе как в юности тепло...».....	300
«День прошел и круг замкнулся...».....	301
«Не верю. Не надеюсь. Лишь люблю...».....	302
«Тишина всегда права...».....	303
«Эта комната с видом на море...».....	304
«Так хорошо, так больно на душе...».....	305
«Над пустынной рекою светает...».....	306
«Асфальт от листьев желт...».....	307
«Что-то есть в тишине, в глубине...».....	308
«Давай, душа, для верности...».....	309
«Бродят бабки, печально кряхтя...».....	310
«Сверху солнышко нежно печет...».....	311
«Затрепещет листочек осиновый...».....	313
«Проявление естества...».....	314
ПАМЯТИ ИГОРЯ МЕЛЬНИКОВА.....	315
«Не потешить бы вас, распотешить...».....	316
«Хорошо и беспечально...».....	317
ПОСМОТРИ НА МЕНЯ НАВСЕГДА (Лирическая поэма).....	318

СКОТНЕВСКИЙ БОРИС АБРАМОВИЧ

Оглянись навсегда

(стихотворения и поэмы)

РЕДАКТОР **В. МИСЮК**
КОРРЕКТОР **В. СМИРНОВ**
ХУДОЖНИК **М. ШЛЯПИНА**
МАКЕТ, ВЕРСТКА **В. МИСЮК**

Отпечатано в Димитровградской
типографии, ул. Юнг Северного флота, 107.

Заказ №

Подписано в печать 16.04.2015.

Формат 60x84/16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная. Объем печ. л. – 21.

Тираж 500 экз.